

Шейла Нортон
Жизнь других людей
Серия «Романтическая комедия»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11641753

Нортон Ш. Жизнь других людей : [роман] : ЗАО «Торгово-издательский дом «Амфора»; СПб; 2014

ISBN 978-5-367-03052-5

Аннотация

Бет почти тридцать, и она всегда была уверена, что станет в этой жизни Кем-то. Но пока она ощущает себя никем: чтобы заработать на жизнь, ей приходится убирать в чужих домах, и она совершенно одна с четырехлетней дочкой на руках. Кажется, все вокруг живут гораздо счастливее ее – но так ли это на самом деле?

Содержание

Благодарности	5
Понедельник	6
Вторник	13
Пятница	20
Суббота	29
Среда	34
Пятница	40
Понедельник	46
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Шейла Нортон

Жизнь других людей

Sheila norton
Other People's Lives

*Издательство выражает благодарность литературным агентствам
Nova Littera SLA и Juliet Burton Literary Agency за содействие в приобретении
прав*

© Sheila Norton, 2011

© Гутман Т. Ю., перевод на русский язык, 2004

© Издание на русском языке, оформление. ЗАО «Торгово-издательский
дом «Амфора», 2014

Благодарности

Спасибо Джиллиан и всем, кто работает в «Piatkus», за то, что приняли меня «на борт» и оказали всемерную помощь и поддержку.

Выражаю особую благодарность Дженни, моей «Бет» во плоти, которая помогала мне по хозяйству, – ее нелегкий труд позволял мне выкроить несколько дополнительных часов в неделю для работы над романом.

Всем моим подругам – в том числе Сью, Гвен и Джен (со школьной скамьи); Лесли (с незапамятных времен!); собутыльницам – Джеральдине, Мэрилин и Ребекке, Салли, Джанет и Бренде; всем моим сотрудницам – в первую очередь Луизе, Пэт, Сандре, Лоррэйн, Рейчел и Кэрол. И многим-многим другим... с благодарностью за поддержку!

Понедельник

Понедельник – это тупик Парк-Фарм.

У каждого дня – свой маршрут и свои неприятности. Понедельник не так уж плох, во всяком случае лучше, чем пятница, и на то есть ряд причин (главная – полуодетый мужчина с избытком половых гормонов, впрочем, обо всем своим чередом). Утром в понедельник – как и в любой другой день – в тупике Парк-Фарм не так уж плохо, конечно, если там жить, а не работать, как я.

Встать утром в понедельник мне ничего не стоит.

Даже сегодня я проснулась без труда, хотя за окном моросит дождь, а небо черно от туч, словно сейчас полночь, а не четверть девятого утра.

Четверть девятого?!

Я подскакиваю как ошпаренная. Хотелось бы думать, что я делаю это грациозно, как испуганная газель, но скорее я смахиваю на страдающую подагрой гориллу.

– Зачем ты бежишь в ванную? Ты промокнешь и заболеешь!

Это Элли, моя четырехлетняя дочь, которую занимают любые физиологические отправления. Наверное, когда она вырастет, ей прямая дорога в медицину.

– Я бегу, потому что проспала! – кричу я, на ходу сбрасывая пижаму на пол и одновременно включая воду в ванной. – Элли, быстро одевайся. Мы опаздываем.

– Мамочка, почему ты такая злая? – без особого интереса спрашивает дочь, наблюдая за мной. – Почему звенит будильник? Почему ты его не выключаешь?

– Черт знает что! – бормочу я, несусь в спальню и с размаху шлепаю по будильнику. – Ставишь его на семь пятнадцать, а он звонит в восемь!

– Можно мне хлопья на завтрак? Можно мне надеть красный свитер с мишкой? Мамочка, когда дождик перестанет? Почему идет дождик?

«Да», «нет» и «понятия не имею». Сейчас я не расположена к пространным ответам.

– Понятия не имею! – признаюсь я, глядя на потоки воды, которые стекают по окну спальни.

Элли карабкается на стул и отодвигает полосатую желтую штору.

– Наверное, потому что цветы и деревья хотят пить.

– Цветы и деревья не пьют! – снисходительно возражает дочь и, смеясь, добавляет: – У них нет рук – держать чашку!

– Они пьют через корешки, – терпеливо объясняю я. – Потом я покажу тебе, как они это делают.

– Нет, сейчас! – кричит она, слезая со стула. – Покажи мне сейчас!

– Сейчас некогда. Потом.

Мне постоянно некогда. Я натягиваю джинсы, рубашку, носки, кроссовки. Провожу расческой по волосам, хмурюсь своему отражению и пожимаю плечами. На макияж нет времени. Как всегда...

– Твои хлопья, Элли. Я тебя жду!

Она появляется в дверях кухни в надетых задом наперед брюках и босиком.

– Хочу рисовые шарики.

– Ты просила хлопья! Ешь быстрее. Я подогрела молоко!

– Хочу шарики. Не хочу теплое! Не люблю хлопья!

– Элли, прошу, не начинай. Пожалуйста! Где твои носки? Я положила их на кровать. Что ты возьмешь к Фэй?

Я сломя голову бросаюсь в гостиную, собираю книги и игрушки и заталкиваю их в красный рюкзак с мишкой. Элли исподлобья наблюдает за мной, скрестив руки на груди.

– Не хочу к Фэй.

Господи, только не это. Только не скандал. Хлопья с теплым молоком, носки, сумка с игрушками – и вперед. Умоляю, без сцен!

– Я *не хочу* к Фэй! – она повышает голос и топает босой ногой. Ее лицо угрожающе кривится. – Не хочу хлопья! *Не хочу носки!*

Спасибо тебе, Господи. Ты меня просто выручил.

Не обращая внимания на крики, я надеваю кроссовки на ее босые ноги, сую ее негнувшиеся руки в рукава куртки, швыряю остывшие хлопья с молоком в мусорное ведро и тащу рыдающую дочь к машине, где усаживаю ее в детское кресло, пристегиваю ремень, завожу машину и на всю катушку врубаю радио, чтобы заглушить ее вопли.

– Я не слышу тебя, Элли! – пытаюсь я перекрычать шлягер, который передает «Вестлайф». Одновременно я стараюсь усмирить внутренний голос, который твердит, что беда не в этом.

– Она не завтракала, – виновато говорю я Фэй. – И она не в духе.

– В духе! – шмыгает носом Элли, и на глазах у нее закипают свежие слезы. – Ты сама не в духе, мамочка. Ты плохая! Уходи!

– Носки у нее в сумке...

– Не хочу носки!

– Пойдем. – Фэй, улыбаясь, берет Элли за руку и уводит в дом. – Езжай, Бет, ты опоздаешь. Увидимся. Не волнуйся, ты уйдешь, и она успокоится.

Я уйду, и она успокоится. Сев в машину, я делаю несколько глубоких вдохов, чтобы справиться с гневом. Гневом на четырехлетнего ребенка за то, что тот не желает надевать носки. И не хочет теплого молока. Да что со мной, в самом деле? Как я дошла до такой жизни? Когда я только родила, когда по ночам я давала ей грудь, поглаживая крохотные розовые пальчики, и представляла, как мы заживем – я и мой ребенок, я и моя замечательная дочь, – мне и в голову не приходило ничего подобного... Натягивать кроссовки на босые ноги, включать радио, чтобы заглушить ее крики, отдавать ее на попечение подруге и бежать без оглядки... Ради чего? Какого черта я это делаю?

Чтобы прибрать чужой дом.

Дома в тупике Парк-Фарм большие и непохожие друг на друга. Окна в георгианском стиле, дома с террасами, дома с гаражом на две машины, кое-где видны спутниковые антенны. Аккуратные лужайки подстрижены садовниками, на подъездных дорожках сияющие «БМВ» и «мерседесы», вымытые в автомобильной мойке и отполированные вручную.

Когда я останавливаюсь у номера 16 («Сельский домик»), с подъездной дорожки выезжает «рэндж-ровер». Сельский домик? Разве в сельских домиках бывает пять спален и три ванны? Разве там есть винтовые лестницы с перилами из кованого железа и суперсовременные кухни цвета травяной зелени, с керамическими полками в камине и двумя духовками?

Я вылезаю из своего «поло» и с силой захлопываю дверь. Если этого не сделать, она не закроется, – прошлой зимой крыло моей машины задел молочный фургон.

– Доброе утро, Бет! – окликает меня Луиза Перкинс, опуская окно «рэндж-ровера».

– Извини, я опоздала...

– Ничего страшного. Займись сегодня, пожалуйста, комнатами девочек. Джоди залила одеяло лимонадом, а Энни я велела прибрать, но ты же знаешь детей. Да, Соломон пришел с футбола и бросил все прямо на кухне, а кошку стошнило. Извини! Да, еще вымой, пожалуйста, большую духовку. Вчера я запекала мясо.

– Хорошо.

Окно «рэндж-ровера» закрывается. Трое детей Перкинс послушно машут мне с заднего сиденья. Они едут в школу, их форма в полном порядке (включая носки), уроки сделаны, коробки с ланчем аккуратно запакованы, а завтрак – горячий или нет – съеден без истерик и капризов.

Впрочем, не исключено, что я заблуждаюсь. То, что творится внутри Сельского домика, неизменно застаёт меня врасплох. Как только вы входите, этот дом, такой безупречный извне – с тяжелой дубовой дверью, фамилией хозяев на медной табличке, крыльцом из красного кирпича, чугунной скребницей для обуви, подставкой для молочных бутылок и корзинами с розовыми и желтыми весенними цветами у входа, – отбрасывает лицемерие и берет вас за горло, как грабитель в темном переулке.

Перво-наперво вы натыкаетесь на груды обуви. Детской обуви всех видов и размеров – ботинки и кроссовки, тапочки и бутсы, балетные туфли, школьные туфли и обувь от маскарадных костюмов. Туфли Луизы и ботинки Бена. Обувь непонятного назначения, которая принадлежит неизвестно кому. Каждый понедельник я начинаю с того, что собираю всю эту обувь и расставляю ее по местам, но к четвергу, когда я прихожу вновь, эта груда снова поджидает меня прямо перед входной дверью. Либо вся семья карабкается через эту гору целую неделю, либо они вынуждены пользоваться черным ходом. Перебравшись через обувь, вы сталкиваетесь с игрушками. Порой мне кажется, что у Элли слишком много игрушек, и я кричу, что она должна привести их в порядок, убрать в шкаф, не оставлять посреди комнаты, чтобы, не дай бог, кто-нибудь не наткнулся на них и не сломал себе шею, иначе я соберу их в большой черный мешок и оставлю на крыльце для мусорщика. Когда я прихожу в Сельский домик, я понимаю, как несправедлива к дочери. Не знаю, успевают ли Джоди, Соломон и Энни поиграть со всеми игрушками – ведь для этого нужно играть день и ночь напролет. У девочек огромное количество кукол всех видов и размеров: куклы-младенцы, куклы-подростки, плачущие куклы, говорящие куклы, куклы-мальчики, куклы-девочки, куклы-мамы с куклами-детьми, куклы-всадники, кукольные машины и набитые одеждой кукольные гардеробные. Здесь видимо-невидимо чудесных игрушек для любого настроения и любых игр – розовые свинки, голубые обезьяны, кошки, кролики и плюшевые мишки. У Соломона невероятное множество машин – от крошечных, меньше детской ладошки, до почти настоящей, куда умещается он сам. В такой машине можно преспокойно доехать до супермаркета «Теско» и привезти домой покупки. От столовой до кухни тянется гоночный трек, по дому разъезжают на танках игрушечные солдаты в полной боевой выкладке и ходят игрушечные пожарные и полицейские, которые разговаривают, если нажать на кнопку.

И конечно, в этом доме полно обучающих игрушек. Здесь есть компьютеры, которые напоминают детям расписание уроков, учат их правописанию и географии Англии, Уэльса, Австралии и острова Уайт, учат их говорить «спасибо» и «пожалуйста» на четырех языках, хотя по-английски они не говорят этих слов никогда. У них есть телескопы и микроскопы. У них есть «Плейстейшн» и всевозможные конструкторы. Летом в саду перед домом валяются велосипеды, роликовые коньки и надувные игрушки, стоят горки, батуты, футбольные ворота, сетки для игры в мяч – все, что может качаться, кататься и ржаветь. Повсюду царит невообразимый хаос. В этой семье никто и никогда не кладет вещи на место. На кухне в раковине и на столах стоят горы чашек, тарелок и кастрюль после вчерашнего ужина. Пол в детской усеян носками, трусами и майками. Роскошные блузки и костюмы лежат на кровати в спальне, где утром подбирала свой туалет Луиза. Детская одежда из дорогих магазинов валяется на диванах и стульях, где на ней уютно устраиваются кошки, или свисает из полукрытых ящиков шкафов и комодов. На столах брошены открытые газеты и журналы. На кухне включено радио, а в спальне горит свет.

Жизнь в Сельском домике бьет ключом.

Здесь я чувствую себя нужной.

В половине одиннадцатого я делаю перерыв, чтобы выпить кофе. Хаос постепенно превращается в порядок. Я люблю чистый пол, прибранными комнатами и аккуратно сложенными вещами, хотя знаю, что, как только Луиза закончит работу в своем распрекрасном офисе, сядет в свой распрекрасный «рэндж-ровер» и заберет детей из их распрекрасной школы, когда из своего распрекрасного банка придет Бен в своем распрекрасном костюме, все они снова начнут бродить по дому, оставляя где попало игрушки, газеты и посуду.

Впрочем, это не так важно. Этого я уже не увижу. Закончив работу, я оставляю записку Луизе, где сообщу, что духовка вымыта, одеяло отстиралось, но следы кошачьей рвоты на диванной подушке отчистить не удалось. Я заберу деньги, которые Луиза оставляет для меня в кухонном столе, сяду в старенький «поло» и поеду к Фэй перекусить и забрать Элли.

Фэй – не воспитательница и не няня. У нее двое своих детей, и во время каникул в детском саду она присматривает за Элли. Фэй – моя лучшая подруга. Она не работает – ее муж Саймон зарабатывает достаточно, чтобы обеспечить семью и содержать дом на три спальни в новом районе недалеко от города, на полпути между супермаркетом «Асда» и центром досуга. За Элли она присматривает бесплатно, отказываясь брать у меня деньги.

– Нам с ней хорошо, – говорит она. – Лорен и Джеку с ней веселей. Что толку в твоих уборках, если ты будешь платить за Элли?

– Но я же плачу за садик, – возражаю я.

– Перестань.

В сентябре Элли и Лорен пойдут в школу. Общим исполнится по четыре с половиной. Фэй говорит, что во время школьных каникул она тоже будет брать Элли к себе.

– Ты найдешь нормальную работу, – говорит она. – Приличную работу в офисе.

– Ты, наверное, тоже не прочь найти приличную работу в офисе.

– Все равно Джек еще маленький и мне придется сидеть дома.

Джеку нет еще и двух лет, и он выматывает Фэй до предела. Он почти не спит, почти не ест и почти беспрерывно плачет. Она говорит, что с ним она постарела на двадцать лет.

– Посмотри на меня, – говорит она, – я превратилась в развалину. Я больше не человек. Я робот. Я просыпаюсь, загружаю стиральную машину, загружаю посудомоечную машину, готовлю, вынимаю посуду, развешиваю белье, мою, убираю, раскладываю вещи по местам. Я делаю это даже во сне. Иногда я уже не соображаю, что делаю, могу забыть накормить детей или одеть их. Мне страшно. Посмотри, какие у меня круги под глазами. Я похожа на зомби.

На самом деле выглядит она великолепно – стройная, миниатюрная, с белокурыми волосами до плеч. Когда мы гуляем с детьми, мужчины смотрят ей вслед. Она кружит им головы, не понимая этого. Я ломаю голову, как она это делает, почему она не сознает, что делает, и почему у меня так не выходит. Потом я вспоминаю, что мне это не нужно, ведь на мужчинах я поставила крест.

– Дождик не кончается, – говорит Элли, поднимая глаза. Она сидит за кухонным столом и рисует. На ней большой фартук, заляпанный краской. Волосы растрепаны, глаза сияют, щеки разругались. Я люблю ее так сильно, что у меня щемит сердце. От моего утреннего раздражения, когда я опаздывала, а она не желала есть хлопья и надевать носки, не осталось и следа.

– Мы с Элли надели сапожки и ходили по лужам, – сообщает Лорен.

– Мы брызгали на Джека, и он плакал, – добавляет Элли.

– Это некрасиво! – осуждающе говорю я.

– Джек сам напросился, – улыбаясь, говорит Фэй. Она держит Джека на руках и пытается утихомирить его, глядя по голове. – Сегодня утром он вытряхнул из коробок все пазлы...

– С мальчишками – просто беда! – деловито заявляет Лорен.

Мы с Фэй в изумлении переглядываемся.

Элли кивает, вздыхает и, болтая кисточкой в стакане с красной водой, говорит:

– Девочки лучше мальчиков. От мальчишек никакого толку!

Может, гормонам не удастся заманить наших девочек в ловушку? Мы не допустим этого. Мы воспитаем их совсем иначе. Они вырастут сильными, свободными, независимыми. Они никогда не будут полагаться на мужчин. Им это и в голову не придет.

– Как только им исполнится одиннадцать-двенадцать лет, – говорит Фэй, откидываясь на спинку стула и прихлебывая кофе, – за дело возьмутся старые добрые гормоны, и все пойдет своим чередом. Они забудут все, что ты им говорила. Начнут кокетничать с мальчиками и строить им глазки. А мальчики будут недоумевать, что с ними случилось. Поллюйся на эту парочку!

Девочки лежат рядом на большой подушке и смотрят телевизор. Темная головка Элли и белокурая – Лорен – почти соприкасаются. Им четыре года, они невинны и прекрасны. Думая о том, что Элли вырастет, я всегда чувствую комок в горле. Мне хочется прижать ее к себе и не отпускать, оградить ее от гормонов и прыщавых подростков, защитить от всех превратностей этого мира, от будущего, от любви и от боли.

– Эй, не вешай нос! – смеется Фэй, видя выражение моего лица. – Скоро пятница!

– Очень смешно! – улыбаюсь я.

На самом деле, веселого здесь мало. Я знаю, что она имеет в виду, говоря про пятницу, и стараюсь об этом не думать.

– Как представлю, тошно делается, – кисло говорю я. – Это какой-то кошмар!

– Тебе видней, – отвечает Фэй.

Теперь я уже в состоянии вспоминать Дэниела спокойно. Я могу вытащить свои чувства, как письмо из конверта, повернуть так и эдак и аккуратно положить обратно. Долгое время я была на это не способна. Я заталкивала мысли о нем в самый темный угол своей души, убирала их с глаз долой, чтобы разобраться с собственной жизнью, с жизнью без него. Но внезапно я с изумлением обнаружила, что готова посмотреть правде в глаза и сказать: я любила его, но он ушел. При этом земля не разверзлась под ногами, а небеса не упали мне на голову. Может быть, я наконец научилась тому, о чем твердят мой доктор, моя мать и мои друзья, – принимать то, что нельзя изменить. Он не вернется – решай, как вы будете жить без него, ты и твой ребенок. Сперва принять, а потом, быть может, даже научиться радоваться новой жизни. Начать все сначала. Завести новых друзей. Найти новую работу. Нового мужчину... Нет, только не это.

Даже по пятницам.

Мы собираемся за покупками, и Фэй сажает Джека в коляску. Она надевает на него ботиночки, но он немедленно их сбрасывает.

– Не хочешь – не надо, – спокойно говорит она. – Черт с тобой. Пусть у тебя замерзнут ноги, мне наплевать.

– Мапочка сказала «черт с тобой», – делится с Элли Лорен.

– Моя мамочка все время так говорит, – парирует Элли.

В ее голосе звучит гордость за то, что я ругаюсь чаще, чем родители ее друзей. Как я умудрилась всего за четыре года так испортить ребенка?

– Думаю, он начнет требовать эти проклятые ботинки, как только мы выйдем за дверь, – бормочет Фэй, усаживая Джека в коляску. – Чертовы дети!

– Саймон тоже ругается при детях? – спрашиваю я, толкая тележку по супермаркету.

Джек сидит в тележке Фэй и через равные промежутки времени наклоняется вперед и выбрасывает покупки на пол. Лорен и Элли, две маленькие благовоспитанные леди, идут рука об руку и сокрушенно качают головами, глядя на выходки малолетнего правонарушителя.

– Вроде бы нет. Правда, он часто говорит «божье наказание». Однажды Лорен сказала ему: «Давай быстрее, папа, ты просто божье наказание!» – и почему-то его это не развеселило.

– Неужели это так трудно? Следить за собой и не говорить лишнего?

Не говорить «Вот черт!», когда роняешь бутылку молока, не кричать: «Ты заткнешься, наконец?», когда ребенок надрыдается от крика. И не вопить: «Катись на все четыре стороны, ублюдок!» – когда твой парень говорит, что у него появилась другая женщина.

– Наверное, когда становишься взрослым, без этого никак, – безрадостно говорит Фэй. – Когда появляются дети, приходится сдерживаться. Начинаешь следить за собой. – Она нагибается, чтобы подобрать пачку печенья, которую только что выбросил из тележки Джек. – Теперь там будут одни крошки, Джек! Прекрати *сию минуту*!

Ты заткнешься, наконец, Джек? Божье наказание!

– Я не хочу взрослеть, – слышу я свой голос.

Раньше я так не думала. Как будет здорово, казалось мне, когда у нас с Дэниелом появится свой дом, родится ребенок, будет семья. Мы станем взрослыми, старшим поколением, теми, кто устанавливает правила. Теперь все изменилось. Мне хочется взбунтоваться. Я хочу назад, в то время, когда я могла вернуться домой под утро, пойти в клуб, напиться и проваляться в постели целое воскресенье. Я хочу снова стать подростком. Я хочу снова поступить в университет, хочу, чтобы все повторилось сначала, и уж на этот раз я...

Не влюблюсь в Дэниела?

Не рожу Элли?

У меня сжимается сердце, я стараюсь забыть эту мысль, засунуть ее как можно глубже, запрятать в сундук, захлопнуть крышку и запереть ее на висячий замок. Как такое пришло мне в голову? Это невозможно. Я буду жить, как живу. Ходить в магазин, готовить еду, убирать чужие дома. Оплачивать счета и держать машину под открытым небом. Многим живется куда хуже. Когда Элли пойдет в школу, я достану свой университетский диплом и найду работу в офисе. И моя мать будет мной гордиться.

– Необязательно все время быть взрослыми, – задумчиво говорит Фэй. – Можно трянуть стариной. В этом нет ничего дурного.

– Когда? Как?

– Пусть Элли переночует у нас. Саймон присмотрит за детьми. А мы, если хочешь, сходим в какой-нибудь клуб. Это обойдется недорого – мы ведь давно разучились развлекаться, порция водки с тоником – и привет... может быть, с кем-нибудь познакомимся. Отогреемся по полной!

– Ты замужем, – напоминаю я.

– Я в курсе.

Мне нравится Саймон, хотя, пожалуй, он странноват. И на десять лет старше Фэй. Они познакомились, когда она работала в страховой компании. Работа была временная, мы учились на последнем курсе, и он был ее боссом. Когда они начали встречаться, мне казалось, что она от него не в восторге, но я проводила все свободное время с Дэниелом и думала, что ей просто хочется, чтобы у нее тоже был парень. Иногда мы ходили куда-нибудь вчетвером, в молодежное кафе или в студенческий клуб, но там Саймон явно был не в своей тарелке.

Он носил костюмы. Он разговаривал не так, как мы. Он любил другую музыку и придерживался других политических взглядов. Десять лет, которые нас разделяли, были осязаемым барьером, он словно говорил на ином языке.

– Когда я был студентом... – начинал он, и мы охали и хватались за голову. Он говорил точь-в-точь как наши родители.

Но он был очень добр к Фэй. Видимо, он любил ее, и спустя два года после того, как мы окончили университет – мы с Дэниелом тогда уже два года жили вместе, – она вышла за него замуж. Они сыграли пышную свадьбу, провели медовый месяц в Антигуа – и вот результат. Хороший дом, хорошая мебель, хорошая машина. Казалось, она счастлива.

Она *в самом деле* счастлива. Она все время повторяет, как она счастлива.

Тогда с какой стати этот разговор про ночной клуб?

– Я пошутила, – говорит Фэй и пожимает плечами.

– Вот и прекрасно.

Я не люблю такие шутки. Мне не нравится ее взгляд и то, как она пожимает плечами. Как ни в чем не бывало. Словно такие шутки в порядке вещей и она и впрямь готова отправиться в загул, оставив детей на попечении мужа.

– Ты могла бы с кем-нибудь познакомиться.

– Лучше утоплюсь в ванне с кислотой.

– Есть же на свете симпатичные парни. Так как насчет пятницы?

– И слышать не хочу! И симпатичные парни меня не интересуют! Не нужна мне никакая пятница!

У Фэй странный взгляд.

– Я *просто спросила*, не хочешь ли ты сходить куда-нибудь в пятницу вечером. Не обязательно знакомиться. Не хочешь – не надо. Просто выпить. Ты и я. Мы сто лет нигде не были.

Она хотела сказать, с тех пор как ушел Дэниел. У меня нет ни малейшего желания куда-то идти. И лишних денег у меня тоже нет.

– Мы не станем тратить много денег... – быстро говорит она.

– Дело не в этом. Луиза в этот раз заплатила мне сверх обычного за уборку в саду.

– Вспомним молодость, – подзадоривает она. – Всего один разок.

– А Саймон согласится?

– Ну конечно. Ты же его знаешь. Все равно он весь вечер сидит, уткнувшись в телевизор. Его не волнует, дома я или нет. И сколько детей спит наверху.

Значит, все в порядке.

И покупки обошлись всего в 54 фунта 29 пенсов.

То есть здесь тоже все в порядке.

А значит, жизнь не так уж плоха.

Вторник

Вторник – это Окли-Корт.

Окли-Корт находится за углом от тупика Парк-Фарм, это два больших новых дома с роскошными квартирами, со вкусом отделанными и с отличной планировкой. Все, чтобы удовлетворить Молодого Одиноким Руководителя. Если бы я была Молодым Одиноким Руководителем, я бы непременно здесь поселилась. В этих квартирах одна спальня, довольно просторная, и еще одна крохотная комнатка, где можно устроить вторую спальню, хотя куда лучше сделать там кабинет. Маленькая кухонька оборудована всем необходимым, но центром жилища является гостиная. Молодому Одиноким Руководителю не нужны вторая спальня и большая кухня – готовить ему не приходится, он питается за счет фирмы и всегда может заказать еду на дом. Придя домой после выполнения своих руководительских обязанностей и съев заказанный на дом ужин, львиную долю времени он проводит в гостиной. И она того стоит. Ворс ковра такой густой и пушистый, что в нем запросто может заблудиться небольшой котенок. Застекленные створчатые двери ведут во внутренний дворик, а на верхних этажах – на небольшой балкон. Летом здесь можно принимать друзей, устроив коктейль-вечеринку и открыв застекленные двери. В холодный зимний вечер Молодой Руководитель может привести сюда свою девушку посмотреть видео и опустить шторы, чтобы в комнате стало тепло и уютно. Это жилье немного напоминает студенческую квартиру, но здесь нет ни порванных обоев, ни мышей, ни склок из-за телефонных счетов и из-за того, чья очередь мыть посуду. А вместо коробок стоит мебель.

Я не знакома с Молодым Одиноким Руководителем, который живет в доме 4-а по Окли-Корт. Я знаю лишь его имя – Алекс Чапмэн, – и я знаю его мать. Она живет по соседству с Беном и Луизой в тупике Парк-Фарм, поэтому я и получила эту работу. Теперь я убираю новую квартиру Алекса. Сегодня я пришла сюда в третий раз. Я никогда не видела Алекса, и если он хоть чуть-чуть похож на свою мать, я немного потеряла. Спросив, сколько я беру в час, она посмотрела на меня так, точно я пукнула. Протянув мне ключи от двери и листок с адресом, она старалась не касаться моей руки, словно уборка домов – заразное заболевание и она тоже может подцепить этот опасный вирус, и тогда ей, хочешь не хочешь, придется натянуть резиновые перчатки и рабочий халат и взяться за дело. Когда она отвернулась, я потихоньку скорчила ей гримасу. Надутая старая гримза.

Но у ее сыночка, должно быть, неплохая работа.

Сказать о нем что-нибудь по его квартире практически невозможно. Вероятно, он уже прожил здесь какое-то время, хотя никаких признаков этого не видно. Нигде нет сумок с нераспакованными вещами, картин или книжных полок, которые нужно повесить, – все лежит на своем месте. Все в полном порядке. Словно на самом деле перед вами выставочный экземпляр квартиры, где никто и никогда не жил.

Интересно, почему он живет рядом со своей матерью? Почему бы ему не снять роскошную квартиру в центре Лондона, где к услугам Молодого Руководителя лучшие клубы и рестораны, где можно в четыре утра добраться домой на метро, упасть на роскошную кровать, поспать пару часов и без перебранок в пригородных автобусах и поездах отправиться в свой офис в Сити? Что за странный тип?

Он выводит меня из себя, хотя я его совсем не знаю.

Почему у него всегда такой порядок? Где крошки от тостов, масляные пятна, круги от чашек с кофе? Или он вообще не ест?

Почему его постель всегда аккуратно, без единой морщинки, застелена пуховым одеялом, на котором лежат взбитые подушки? Может, он и не спит? Может, он просто не ложится в кровать? Разве нормальный мужчина оставит постель в таком виде? Все мужчины, с кото-

рыми я спала, превращали постель в бесформенную грудку скомканных одеял и подушек, напоминающую поле боя. Если я просила кого-то из них привести это безобразие в порядок, они набрасывали сверху покрывало и заявляли: «Сойдет и так». Что толку застилать постель, если через несколько часов все равно ложиться обратно и от порядка не останется и следа? Женщина привносит в жизнь мужчины великое благо – чистые простыни. «О, восхитительные чистые простыни! – восклицает мужчина. – Это настоящее чудо!» Он мурлычет и потягивается, как гигантский домашний кот, наслаждаясь прикосновением свежестыранного и выглаженного белья, которое постелила его заботливая подруга. Но предоставьте его самому себе, и он будет спать на одних и тех же простынях полгода. «Чистые простыни? Ради чего? Я же не намочил постель, ха-ха-ха! А, простыни? Да сойдут и эти, я и спал-то на них не больше пары недель, точно тебе говорю».

Что за мужчина складывает носки попарно?

Что за мужчина вовремя меняет рулон туалетной бумаги, да еще покупает ее впрок?

Что за мужчина покупает безделушки?

Речь идет про красивые безделушки. Дорогие, но не броские. Понимаете? Такие безделушки обычно покупают пары, которые только что обзавелись своим первым домом, но со временем все оставляют это занятие. У него есть вазы, хрустальные зверюшки и маленькие серебряные часики, которые принято дарить на круглые даты. В посудном шкафу на специальных подставках стоят фарфоровые тарелки. Господи, у него есть подставки для тарелок! В этой квартире я увидела их впервые в жизни. Что за человек Алекс Чапмэн? Вряд ли он нормальный. Помимо прочего его мать наняла меня еженедельно убирать его квартиру в течение четырех часов, но даже если я еле шевелюсь, у меня уходит не более получаса на то, чтобы пропылесосить ковер, где нет ни единой крошки и ни единой пылинки, и полчаса на уборку ванной и кухни, которые и без того сияют чистотой.

После этого у меня остается еще вагон времени.

В первый раз я чувствовала себя виноватой. Я пропылесосила всю квартиру второй раз. Я вытерла невидимую пыль с мебели и полок. Я обмахнула специальной метелкой светильники. Я изнывала от скуки. Я посмотрела на часы и выглянула в окно, подумывая, не уйти ли домой, но боялась, что мать Алекса нагрянет с проверкой.

На прошлой неделе я тешила себя надеждой, что на сей раз все будет иначе. Наверное, в первый раз он специально прибрал перед моим приходом, чтобы произвести благоприятное впечатление. Но ни один мужчина не выдержит такого больше недели. Скорей всего, в этот раз все будет как у всех – хаос на кухне, одежда на кровати, на полу пятна неизвестного происхождения. Однако, войдя в дом, я почти с огорчением обнаружила такой же безукоризненный порядок, как и неделю назад. Какой смысл платить уборщице, если ничего не пачкаешь? Впрочем, кто я такая, чтобы это обсуждать? Впервые деньги доставались мне так легко.

Сегодня я приняла решение. Если так будет продолжаться и впредь, я постараюсь извлечь из этого максимум пользы. Я найду, куда деть это время, время, которое он купил, но которое ему не нужно. Я не стану тратить его впустую. Я займусь тем, что хотела делать всегда. За полчаса я пропылесосила квартиру, в которой не было ни пылинки, и протерла мебель, на которой не было ни пятнышка, убрала тряпки и пылесос, приготовила себе кофе и вздохнула полной грудью. Алекс Чапмэн и его надменная матушка ни о чем не узнают, квартира будет в полном порядке, остальное их не касается.

– Тебе приходилось обманывать? – спрашиваю я Фэй за ленчем у нее на кухне.

– Например? Мошенничать? Однажды перед экзаменом по математике я написала на руке несколько формул. Но все равно провалилась.

– Нет, я не про то, такое делают все. По-настоящему.

– В день рождения Николь Дэвидсон я трахалась с приятелем на ее заднем дворе, когда она вырубилась в спальне после вечеринки. Ей тогда исполнился двадцать один год.

– Да ты что? А я и не знала!

– Она тоже! – смеется Фэй.

– Ну, а... приходилось ли тебе... ну, понимаешь... сделать что-то действительно нечестное... Например, с деньгами...

– Украсть?

– Что-то вроде.

Она задумчиво откусывает кусок сэндвича с тунцом и принимается жевать.

– Бесплатно ездила в автобусах и на метро. Тысячу раз.

– И все?

– Что с тобой? Хватит меня допрашивать! Твоя очередь!

– погоди. Мне нужно это знать.

– Ладно... Однажды я украла какую-то ерунду в супермаркете. Мне было десять лет.

– Послушай. Если бы тебе платили за работу, которую ты не делаешь, ты бы чувствовала себя виноватой? Если никто про это не знает? Ты бы призналась – например, своему боссу, – что ты ничего не делала? Или нет?

Фэй таращит глаза:

– Что это ты вдруг?

– Просто интересно.

– Ладно, выкладывай. Что случилось?

– Ничего. Я просто спросила. Давай я приготовлю еще кофе.

Я убираю квартиры, потому что это позволяет мне распоряжаться своим временем. Сейчас главное для меня – Элли. Если бы я работала в офисе, то есть имела нормальную работу, я не могла бы вернуться домой к обеду и забрать ее из садика или от Фэй. Мне пришлось бы найти для нее няню, а няне нужно платить. Значительная часть моих доходов ушла бы на оплату услуг няни. А что, если няня не понравится Элли? Иногда дочь капризничает, даже когда нужно ехать к Фэй, а оставив ее на весь день, я бы просто сошла с ума от волнения. Так есть ли в этом какой-то смысл?

Поэтому, сказать по правде, пока я не собираюсь искать приличную работу.

Конечно, когда Элли пойдет в школу, я этим займусь. Тогда ее все равно целый день не будет дома, а каникулы – что ж, начну платить Фэй, уговорю ее брать деньги за то, что Элли остается с ней на весь день, пока я буду занята на своей приличной работе. На работе, которая позволит моей матери гордиться, что я окончила университет.

Вечером мне звонит мама:

– Тебе не кажется, что пора что-то подыскивать?

– Что подыскивать? – я делаю вид, что не понимаю. Словно этот разговор не повторяется по меньшей мере дважды в неделю.

– Работу. Я послала тебе приложение к газете. Ты ведь хотела его просмотреть?

– Мама, Элли пойдет в школу только через шесть месяцев.

– Бет, ты прекрасно знаешь, что начать поиски заранее не повредит. Не забывай, сколько времени ты потратила *тогда*, – слово «тогда» она произносит с нажимом и укоризной, этот ее тон я не выношу.

Тогда – это моя другая жизнь. *Тогда* я окончила университет, и весь мир лежал у моих ног, мои мечты простирались передо мной точно непаханое поле, сияющие огни Сити манили к себе, а мой диплом, предмет страстного вожеления, награда за тяжкий труд, обещал открыть передо мной головокружительные перспективы. Меня ждала работа с огром-

ной зарплатой и потрясающим страховым пакетом. Я предвкушала, как потенциальные боссы будут валяться у меня в ногах, умоляя хотя бы денек поработать в их компании.

Сходив на несколько десятков собеседований, я прекратила рассылать резюме и поступила на временную работу.

– Почему? – спросила мама.

– Потому что все это меня достало. Потому что у меня больше нет сил. Потому что я в отчаянии. Я не представляла, что меня ждет. И потому что карьера меня больше не интересует. Я хочу ребенка.

– Ребенка? – воскликнула моя мать.

– Ребенка? – воскликнули мои друзья.

– Ребенка? – воскликнул Дэниел.

Зачем было отдавать столько сил учебе, жертвуя всем остальным? Если все, что тебе нужно, это ребенок, можно было окончить школу и в шестнадцать лет присоединиться к армии юных мамочек с колясками, что выстаивают нескончаемые очереди за пособиями.

Зачем женщины добивались равных прав для таких, как ты, приковывая себя к рельсам? Зачем твоя мать лезла вон из кожи, стараясь дать тебе достойное образование, не позволяя тебе прогуливать школу и усаживая тебя за уроки, когда тебе хотелось гонять на велосипеде? Если ты намерена следовать животным инстинктам, как неграмотная крестьянка из африканской деревни, твои родители могли бы просто продать тебя богатому мужу, когда ты достигла половой зрелости, и дело с концом.

– Но, мама. Ты сама говорила, что образование никуда не денется. Говорила, что, если я захочу иметь детей, мое образование пойдет им только на пользу. Ты говорила, что диплом – это путевка в жизнь, и она бессрочна, и если моя карьера прервется, меня всегда с радостью примут обратно...

– Твоя карьера не может прерваться, – сухо ответила мать, – пока у тебя нет никакой карьеры.

Вот что стоит за *тогда*, которое произносится с бесконечным укором. *Тогда* я сдалась, стала перебиваться временными заработками – набирала тексты, занималась регистрацией документов, – а потом собирала листки учета отработанных часов и чеки, которыми мне платили зарплату, и... прекратила принимать противозачаточные таблетки. *Тогда* я решила действовать на свой страх и риск, я убедила своих друзей, что все обдумала, я убедила свою мать, что приняла зрелое и взвешенное решение сначала родить ребенка и лишь потом заняться карьерой... я убедила Дэниела, что в двадцать пять лет он хочет стать отцом.

Все это было до появления Элли.

Теперь все иначе. В первую очередь я должна думать об Элли и лишь потом – о себе.

– Я не собираюсь выходить на работу, пока Элли не пойдет в школу, – говорю я твердо, тверже, чем обычно. Внезапно моя уверенность в себе крепнет, и знаете почему? Я вспомнила о том, что решила в квартире Алекса Чапмэна. Я знаю, что я буду делать.

– И потом, у меня есть кое-какие наметки, – роняю я небрежно. – Мои планы немного изменились.

– Господи, – вздыхает моя мать. – Надеюсь, ты не собираешься рожать второго?

Не знаю, как удастся людям – например, Фэй или моей матери – справляться с двумя или тремя детьми. Я трачу все силы на одного ребенка, и порой мне кажется, в моей жизни не осталось ни кусочка, который не принадлежал бы Элли. Я целиком в ее власти. Даже когда она спит, даже когда она в садике или у Фэй, я чувствую, что она управляет моей жизнью, она делает за меня выбор и принимает решения, она определяет, что я могу делать, а что нет, куда я могу пойти, а куда нет, с кем мне встречаться, что есть, когда спать и о чем думать.

В основном я думаю о ней. Оставляя ее у Фэй, я беспокоюсь, что она вырастет с обидой на мать, которая проводила с ней так мало времени в годы становления ее личности. Меня тревожит, что она не встречается с отцом. Меня волнует, что она проводит столько времени с Джеком и успела возненавидеть его. Меня беспокоит, любят ли ее дети в садике, может быть, она слишком много командует или, наоборот, чересчур застенчива. Я переживаю, не слишком ли она крупная или маленькая для своих лет, понравится ли ей в школе и поступит ли она в университет. Сделает ли она карьеру или будет перебиваться временными заработками? Встретит ли она того, кто полюбит ее и захочет, чтобы она родила ему ребенка? Удастся ли ей взять ссуду и купить дом? Господи! Ей всего четыре, а я думаю о том, что будет бог знает когда.

– Тебе всего двадцать девять, – говорит моя мать. – Ты еще успеешь нарожать кучу детей.

– Мама, я не собираюсь заводить второго ребенка. И даже если бы собралась, я не желаю иметь дело с мужчинами, понимаешь? Я не хочу секса. А без этого детей не бывает.

– В наши дни возможно все. Оплодотворение в пробирке. Суррогатные матери. Все что угодно. Но у тебя еще предостаточно времени. Теперь рожают и в пятьдесят.

Почему мы завели этот разговор? С чего она взяла, что я этого хочу?

– Я скорее отрежу себе голову, чем заведу еще одного ребенка. Представить не могу, как можно в здравом уме завести нескольких детей. Конечно, я не имею в виду вас с папой, – поспешно добавляю я.

Третий ребенок: *у нас уже есть мальчик и девочка, хотим попробовать еще раз.*

Зачем? Они надеялись, что получится что-нибудь новенькое? Собака? Кролик? У них получилась я. Теперь нас трое: мой брат – адвокат, моя сестра – врач, и я – уборщица.

Наверное, за детей волнуешься всю жизнь.

Когда я уже укладываюсь спать, звонит Фэй.

– Я все уладила, – сообщает она.

– О чем ты?

Я слегка не в себе после изучения выписки из банковского счета. В этом месяце я больше не притронусь к кредитке. Совсем. Даже если увижу, что туфли, которые понравились мне в «Фэйс», те самые, с ремешками и открытым носком, продаются со скидкой, я не поддамся соблазну. Да и на что они мне? Где я буду щеголять в туфлях с открытым носком? Они будут без толку пылиться в шкафу, насмехаясь надо мной, а мне придется с трепетом следить, что творится у меня на счете. Элли тоже нужны новые туфли, но это другое, без этого не обойтись. Но я все равно не притронусь к кредитке. Я раздобуду наличные. Во что бы то ни стало.

– Пятница, – нетерпеливо говорит Фэй. – Я обо всем договорилась. Саймон останется с детьми. А мы сходим куда-нибудь, как договаривались. Выпьем. Или придумаем что-нибудь еще.

Мне нужны деньги на туфли для Элли. А не на выпивку. Я – мать, у меня есть обязательства. Я не могу пропить заработанные деньги и допустить, чтобы моя дочь ходила босой. Я и глазом моргнуть не успею, как сюда набегут работники социальной службы, а в местных газетах появятся заголовки: «МАТЬ СИДИТ В БАРЕ, А ЕЕ ЧЕТЫРЕХЛЕТНЯЯ ДОЧЬ ХОДИТ В РВАННЫХ ТУФЛЯХ».

– Я не могу. Сейчас у меня нет такой возможности.

– Бет, брось, только по паре пива! Ты же сказала, что Луиза заплатила тебе больше, чем обычно.

– Эти деньги нужны мне для Элли. Я должна купить ей туфли. Я забыла.

– За туфли расплатишься кредиткой. Тоже мне проблема! Ты что, превысила кредит?

– Нет. В том-то и дело. Они его опять увеличили.

– Они всегда так делают, если вносишь деньги вовремя. Здорово! Значит, ты можешь купить туфли и снять немного денег, чтобы выпить.

– Нет. Не могу. Потом мне с ними не рассчитаться. Ни за что, Фэй. – Я начинаю злиться. Что она понимает? Она не представляет, как я живу. У нее есть Саймон, он в любой момент дает ей столько денег, сколько нужно. Ей не приходится сидеть по ночам и проверять банковские распечатки, подсчитывая на полях, хватит ли денег, чтобы оплатить счет за электричество и купить стиральный порошок. – Ты не понимаешь, – резко бросаю я.

Меня подмывает добавить еще кое-что, но мне не хочется ссориться.

– Нет, понимаю, – тихо говорит она. – Я знаю, что ты так думаешь, но тебе это только кажется. Я все понимаю.

– У тебя нет моих проблем.

– Ты права. Но это не значит, что я не вижу твоих.

Мое раздражение мгновенно улетучивается.

– Извини.

Она моя подруга, моя самая близкая подруга, которая изо дня в день присматривает за моим ребенком и не берет за это ни пенни. Она никогда не жалуется и не говорит: «Извини, сегодня не получится. Я не спала всю ночь, потому что мой сын капризничал, у меня болит голова, дома черт-те что, и для полного счастья мне не хватает только еще одного ребенка». Когда Дэниел ушел и я в истерике позвонила ей, она, не раздумывая, примчалась, чтобы поддержать меня. Мы вместе учились в университете, вместе отходили нашу первую беременность. Мы знавали друг друга в лучшие и в худшие времена. Мы понимаем друг друга почти без слов.

– Извини, – повторяю я. – Просто я проторчала весь вечер над банковской распечаткой. Это просто ужас.

– Ты можешь взять еще работу? Днем? Или вечером? За Элли я присмотрю.

– Нет. – Я и так ее не вижу. Скоро она будет считать своей матерью Фэй. – Ничего. Скоро она пойдет в школу. Я справлюсь. Наверное, я не в духе из-за того, что не могу купить себе те туфли в «Фэйс».

– Те самые, с открытыми носками?

– Все равно мне некуда их надеть, так какой смысл?

– Смысл в том, чтобы доставить себе радость. Мы все этого заслуживаем. Если себя не баловать, жизнь будет мрачной и серой.

– Ладно... уговорила, давай сходим выпить в пятницу.

– Я угощаю...

– Ни за что. Ты права, не разорюсь же я из-за пары бутылок пива. Помнишь, как мы в первый раз пошли в бар?

– И денег хватило на полпива на двоих...

– Мы не смогли наскрести даже на порцию чипсов...

– А старый бармен сжалился над нами и налил нам еще одну кружку!

– Наверное, старому бармену было не больше тридцати! – замечаю я, и мы смеемся, а потом разом умолкаем.

Нам обеим скоро исполнится тридцать.

Какой я представляла себя в тридцать лет? Каким я видела свое взрослое будущее, когда сидела на лекциях по социологии, мечтательно глядя в окно?

Я твердо знала, кем хочу стать, и не сомневалась, что, даже если у меня ничего не выйдет, я все равно буду Кем-то, а не Бог-Знает-Кем. Я ни за что не буду такой, как все. Когда в моей жизни появился Дэниел и мы стали жить вместе, мы были убеждены, что будем

необыкновенной парой. Мы считали, что нам предначертано исключительное будущее. Мы никогда не станем занудами, никогда не поселимся в пригороде и не будем выплачивать закладные. Мы не будем работать с девяти до пяти, мыть машины по воскресеньям и стричь лужайки, как наши соседи. Мы не будем ссориться – мы будем не такими, как все. Мы будем друзьями и единомышленниками.

– Мы думали, что никогда не станем занудами, помнишь? – шепчу я в трубку и чувствую, как у меня в груди набухает огромный ком, наполняя меня невыносимой болью.

– Мы не зануды! – возражает Фэй. – О чем ты говоришь? Какие же мы зануды? У нас все впереди!

– Ты полагаешь?

– Конечно! Брось, не унывай, в пятницу вечером покажем всем, на что мы способны...

– Не думаю, что я к этому готова...

– Еще как готова, – решительно говорит она. – Приведешь себя в порядок, выпьешь кружку пива и станешь человеком.

– Ну, раз ты так считаешь...

Я соглашаюсь только ради Фэй.

Пятница

Честно говоря, все складывается не так плохо. Из-за Элли мне очень хотелось, чтобы неделя прошла хорошо. Сейчас середина полугодия, и она не ходит в садик. Каждый раз, когда в садике каникулы, я обещаю себе, что мы будем проводить много времени вдвоем, мать и дочь, гулять на свежем воздухе, любоваться цветами и пересчитывать разные предметы. Будем читать книжки и играть в супермаркете в «Обмануть всех»¹, чтобы она могла выучить буквы. На самом деле утром я заталкиваю полусонную дочь в машину, по дороге она обычно хнычет, что я не дала ей съесть или надеть то, что она хотела, потом я высаживаю ее у Фэй, которая присматривает за ней, пока я не закончу работу. После работы я возвращаюсь к Фэй, и мы пьем кофе с сэндвичами, надеясь, что девочки поиграют спокойно еще какое-то время и при этом не убьют Джека.

Но на этой неделе я сделала над собой титаническое усилие. В среду, закончив уборку у Дотти (Хиллсайд-авеню), я взяла ее пса и вернулась с ним к Фэй, чтобы Элли и Лорен могли с ним погулять. Для того чтобы должным образом оценить мой подвиг, нужно немного знать Тоссера. Тоссер – так зовут собаку Дотти – настоящее чудовище. Дотти взяла его щенком у вдовы пьяницы-шотландца, который, подзывая пса, обращался к нему не иначе как: «Эй, ублюдок!» Однажды хозяин собаки, изрядно набравшись, упал в канал и утонул. Его жена жаловалась собаку не больше мужа и очень обрадовалась, узнав, что Дотти хочет завести щенка. Обычно я гуляю с Тоссером в среду утром. Сама Дотти страдает артритом, ей тяжело ходить, и она считает, что псу время от времени нужно размяться. Вообще-то, беспокоится она напрасно, – бросаясь на мои ноги и пытаясь вцепиться мне в горло, Тоссер устраивает себе такую разминку, которой вполне хватит на неделю. По неведомой причине дети считают его очень милым и обожают с ним гулять, поэтому в эту среду он разминался вдвое больше обычного. Мало того что паршивец атаковал меня утром, когда его удовольствие оплачивается, при этом до конца дня мне пришлось вести разговоры в духе приведенного ниже:

- Мапочка, почему мы тоже не заведем собачку?
- Потому что они очень дорого стоят.
- А если я отдам тебе деньги из моей свинки-копилки, мы сможем купить собачку?
- Нет, этих денег на собачку не хватит. Всех копилочек на свете не хватит, чтобы купить собачку.
- А почему мы не можем взять к себе Тоссера?
- Потому что его хозяйка – Дотти. Кроме того, Тоссер – подлая и жестокая тварь, он кусал мне все ноги, и даже если меня озолотят, я не пущу его к себе в дом.
- Но ты говорила, что Дотти не может с ним гулять, потому что у нее болят ноги...
- Но она все равно его хозяйка.
- Тогда я спрошу у Дотти, может быть, она согласится его отдать.
- Нет, не спросишь. Собаки у нас не будет.
- Но я *хочу* собаку! Я люблю Тоссера, мамочка! Я хочу такую собаку, как Тоссер! Я *хочу* собаку...
- Хватит про собаку! Не желаю больше этого слышать! И про чертова Тоссера не хочу слышать!
- Мапочка, ты злая!
- Где мои прекраснотушные планы.

¹ Боевик (США, 2002). – *Здесь и далее примеч. пер.*

В четверг, прибрав Сельский домик, я веду Элли и Лорен в бассейн. Так я могу хоть немного отблагодарить Фэй и позволить ей передохнуть, если, конечно, ей удастся на часок-другой утихомирить Джека.

– Джек идет купаться! – басом заявляет Джек, наблюдая, как я укладываю в сумки девочек полотенца и купальники.

– Нет, Джек, – мягко говорит Фэй.

– В другой раз, Джек, – лицемерно добавляю я.

– Ты очень противный! – безапелляционно объясняет ему Лорен. – Все время орешь. Джек немедленно заходится криком.

– Вот видишь! – удовлетворенно говорит Лорен.

– Жаль, что он все время плачет, – говорит Элли. – Если бы он не плакал, мы бы взяли его, да, мамочка?

– Да, детка.

Не исключено.

Плавание в бассейне с двумя четырехлетними девочками – не самое увлекательное занятие. Можете мне поверить. Мы отправляемся в лягушатник. Элли плещется с надувными нарукавниками, Лорен недавно научилась плавать без них – каждую субботу она ходит в бассейн с отцом. Элли завидует ей, она стаскивает нарукавники и тут же захлебывается. Наглотавшись воды, она начинает плакать и еще больше злится на Лорен, которая, похваляясь своим умением, плавает вокруг. Я то прикрикиваю на Лорен, чтобы та прекратила хвататься, то напускаюсь на Элли, чтобы она не снимала нарукавники и не утонула.

– Если не можешь плавать без нарукавников, нечего их снимать.

– Я могу. Я умею плавать. Дурацкие нарукавники. Я не маленькая.

– Никто не говорит, что ты маленькая. Ты просто не умеешь плавать. Пока. Но скоро научишься.

– Умею. Я умею плавать. Посмотри на меня. Я умею плавать, как Лорен. (Буль-буль, кхе-кхе, а-а-а-а!)

– Нет, не умеешь! Сколько можно повторять! Не реви! Сама виновата! Лорен, хватит плавать вокруг с таким видом! Все видят, что ты отлично плаваешь, и ты молодец, но...

Домой мы возвращаемся рано, девочки на заднем сиденье хранят гробовое молчание, они не разговаривают ни со мной, ни друг с другом.

– Может быть, возьмем видео и купим чипсов? – с наигранной бодростью спрашиваю я. Мне неловко, что я привезу Лорен в дурном настроении.

– Я не люблю видео, – угрюмо говорит Лорен.

– А я не люблю чипсы, – Элли бросает на меня гневный взгляд.

В следующий раз возьму с собой Джека.

Сегодня пятница, последний день каникул в детском саду, а пятница – это Кэнэл-стрит. Я не люблю работу по пятницам. Все дома на Кэнэл-стрит одинаковые – типовые домики на две спальни, судя по всему построенные в 1940-е годы, сзади крохотный палисадник, перед домом сада нет – дверь открывается прямо на улицу. Но первое впечатление обманчиво – увидев цены на эти дома в витринах агентств по недвижимости, я не поверила своим глазам. На самом деле отсюда очень удобно добираться на вокзал и в центр города, а для жильцов есть парковка. Дом номер 73 по Кэнэл-стрит сдается внаем, и в нем живут Оливер и Натан, два молодых человека. Домашнее хозяйство их не занимает, и они не дают мне никаких указаний, относясь к моей работе в высшей степени безучастно. Это была бы неплохая работа, если бы не Оливер. С Натаном проблем нет – его никогда не бывает дома. Вроде бы он работает в студии звукозаписи в Лондоне, и, наверное, я бы заинтересовалась этим обстоятель-

ством, если бы узнала об этом не от Оливера. Оливер большую часть времени работает дома. По-видимому, оставаться там по пятницам он считает своим долгом.

Увидев их впервые, я решила, что они геи. Поэтому, когда Оливер начал заигрывать со мной, я была, мягко говоря, ошарашена. Сначала я отнесла это на счет собственного разигравшегося воображения. Начиталась всякой ерунды. Давно не занималась сексом. И вот теперь, стоит мне увидеть симпатичного парня, в голову лезут глупые фантазии! Но на следующей неделе он выразил свои намерения совершенно недвусмысленно. Например: «Эй, зачем застилать постель? Может, лучше немного порезвимся?»

Мало того что гнусное предложение а) было сделано работодателем в рабочее время, б) поступило от того, кого я считала геем, и в) потрясло меня до глубины души, поскольку единственная любовь моей жизни покинула меня, вдребезги разбив мою уверенность в себе, – кроме всего перечисленного он на несколько лет моложе меня, с умопомрачительным телом и внешностью, которые можно увидеть только в кино или телесериалах про врачей.

Я не сомневалась, что любой, кто выглядит подобным образом, обычно оказывается геем, даже если не живет в одной квартире с лучшим другом. Так или иначе, жизнь втроем никогда меня не прельщала. Если бы я была в состоянии делить мужчину с кем-то еще, будь то мужчина или женщина, я лучше попросила бы Дэниела привести его новую подружку и пригласила ее к нам в постель.

Я объяснила Оливеру, что предпочла бы заняться уборкой и что я благодарна за лестное предложение, но не может ли он оставить меня в покое?

– Жалко, – улыбнулся он. – Ничего. Может быть, в следующий раз.

С тех пор каждую неделю повторялось одно и то же.

– Может быть, хоть разок, пока ты не начала пылесосить?

– Сегодня жарковато, верно? Не хочешь раздеться? Мы могли бы вместе принять душ...

– Сегодня ты выглядишь усталой, Бет. Как мне хочется тебя поцеловать...

– Мы здесь одни. Нам никто не помешает. Мы никому не скажем...

Я прошу его заняться своим делом и позволить мне заняться моим. Он идет на кухню, раскладывает на столе книги и бумаги, варит кофе и включает радио. Некоторое время он работает, но не проходит и получаса, как он снова справляется у меня, «как идут дела». Угадайте, чем он зарабатывает на жизнь. Он ландшафтный дизайнер, проектирует сады. У него диплом по садоводству, и он – частный предприниматель, сам себе хозяин. Разве не странно, что подобным занимается тип двадцати трех лет, который живет в доме без нормального сада? Я допустила ошибку, проявив интерес к его работе. Теперь он постоянно покупает мне саженцы и цветы. Мой задний дворик мог бы превратиться в настоящий ботанический сад, но я не умею ухаживать за растениями, и добрая половина уже погибла. Я стараюсь вести себя как можно сдержаннее, когда он рассказывает мне о работе Натана, а то, чего доброго, он попросит Натана снабжать меня компакт-дисками. А что подумает Натан?

– А что подумает Натан? – спросила я однажды, отразив особенно настойчивую атаку.

– При чем тут Натан? – удивился он.

Я замялась. Не задашь же такой вопрос в лоб. Смешно спрашивать того, кто беспрерывно пытается затащить тебя в постель, не гей ли он.

Он понимающе улыбнулся:

– Мы с Натаном просто друзья. Друзья и соседи по квартире, больше ничего. Неужели я похож на гея?

Как бы это сказать...

– Разумеется, нет, – поспешно говорю я.

Еще одну ошибку я сделала, признавшись Фэй, что на самом деле хочу его.

– Неужели? – восклицает она. – Бет! Господи!

– Не стоит поднимать из-за этого такой переполох, – огрызаюсь я. – С гормонами у меня все в порядке. А он просто красавчик.

Она поднимает бровь и улыбается.

– И...

– Никаких «и». Я не собираюсь ничего предпринимать. Не желаю иметь дела с мужчинами, не важно, как они выглядят.

– Но ведь он... умирает от желания тебя трахнуть.

– Благодарю покорно!

– И ты можешь каждую пятницу без всяких хлопот иметь потрясающий, сногшибательный, невероятный секс...

– А когда я буду убирать?

– Бет! Убирать? Ради бога!

– Мне платят не за секс, Фэй. Это унинительно.

– Тогда сначала уборка, а потом секс.

– Но я не собираюсь заниматься с ним сексом! Господи! Зачем я только рассказала!

– Я не понимаю, почему ты отказываешься. Если он тебе нравится и если он так... так настойчив.

Она права. С каждым разом мне приходится все труднее. Он выматывает меня и понимает это. Я боюсь идти туда, зная, что меня ожидает, но невольно начинаю представлять, каково заниматься этим с ним. В душе. На ковре, который я столько раз пылесосила. На диване. На кухонном полу. На лестнице. И в постели. Каждую неделю я застилаю постель – при этом он обычно наблюдает за мной.

Ни за что. Этому не бывать. Но бросить эту работу я не могу, пока не найду другого клиента на пятницу.

И я продолжаю ходить туда каждую пятницу, работать, отводя глаза от обнаженной груди Оливера – в последнее время он решил, что работа над планами садов будет продвигаться быстрее, если он обнажится до пояса, – и делать вид, что не замечаю, как он пытается коснуться меня, проходя мимо, и дотрагивается до моей руки, передавая мне чашку кофе. И изо всех сил избегаю смотреть ему в глаза.

В этот раз все идет своим чередом.

– Бет, привет, дорогая, – проникновенно говорит он, открывая дверь. – Ты выглядишь просто потрясающе.

Это не так. Я надела самые потрепанные джинсы и коричневый джемпер с пятнами на рукавах. Я сделала это нарочно, давая понять, что не расположена к сексу, что во мне не кипит кровь и я всего лишь машина для уборки, робот с тряпкой в руках, который машинально перемещается из комнаты в комнату и не способен испытывать вожделение при виде его соблазнительной задницы, обтянутой шортами.

С каждым разом одежды на нем все меньше. Между тем стоит февраль.

– Может, поцелуешь меня, прежде чем займешься работой? – ласково спрашивает он, наклоняясь ко мне.

Я отстраняюсь от него и целеустремленно направляюсь на кухню.

– У меня полно дел, – говорю я, не поднимая глаз. – На полу просто ужас! Что вы здесь устроили!

Он смеется, и я вспыхиваю, как школьница.

– Какая грязь, какие-то липкие пятна...

– Наверное, они остались после того, как я голышом катался в луже патоки, – говорит он, и я чувствую, что он не сводит с меня глаз.

Я пожимаю плечами, беру ведро и включаю горячую воду.

– Что ж, значит, отмыть будет нетрудно, – говорю я.

– Ты когда-нибудь такое пробовала? – не унимается он.

– Что? Отмывать липкий пол – сто раз. Этим я зарабатываю на жизнь!

– Патоку. Или мед. Шоколадная паста тоже неплохо...

– На тостах, согласна. Неплохо.

Знаю, я смахиваю на порноактрису, которая ведет детскую телепередачу. Я стараюсь сосредоточиться на ведре с мыльной водой. Опускаю в воду швабру, отжимаю, вынимаю и принимаюсь мыть пол. Окунуть, отжать, вытащить...

– Ты меня не обманешь, Бет, – очень тихо говорит Оливер. – Можешь притворяться сколько угодно, но я знаю, что тебя эта мысль тоже заводит, и я знаю, что ты ко мне равнодушна. Мы могли бы прекрасно провести время, если бы ты расслабилась и уступила своему телу.

Мое тело от этих слов становится горячим и влажным. Я остервенело тру пол, делая вид, что не слышу, и перед моим мысленным взором плывут картины соответствующего содержания.

– Дай знать, когда будешь готова, – бросает он и вразвалку выходит из кухни.

– Чертов гомик! – с отвращением восклицает Фэй за ланчем. – Надеюсь, ты послала его куда следует?

– Я промолчала, – признаюсь я. – Просто продолжала мыть пол.

– Значит, ты подумываешь об этом!

– Нет! Ни в коем случае! – Я избегаю ее испытующего взгляда.

– Я права, я вижу! – не отстаёт она. – Я знаю тебя как облупленную, Бет Марстон, и это выражение лица мне отлично знакомо!

– Какое еще выражение? – Я притворяюсь, что не понимаю.

– Это... отвратительное... *похотливое* выражение. Его не скроешь! Не удивительно, что он готов лезть на стенку!

– Фэй, как тебе не стыдно! Я из кожи вон лезу, чтобы он оставил меня в покое! Надеваю старые лохмотья...

– Наверняка это заводит его еще больше!

– ...не обращаю на него внимания, отстраняю его, прошу заниматься своим делом и оставить меня в покое...

– Представляя про себя, как ты его возбуждаешь.

– Что я могу поделать со своими мыслями?

– И он об этом знает.

– Откуда?

– Я же сказала. Все написано у тебя на лице.

Господи. Если все мысли отражаются у нас на лице, едва ли у кого-то из нас есть надежда. Об этом даже подумать страшно. Если бы можно было читать наши мысли каждый раз, когда мы представляем собеседника в постели; каждый раз, когда мы с учтивой улыбкой разговариваем с тем, кого не выносим; каждый раз, когда, затаив ненависть, мы поздравляем кого-то с успехом, – общество распалось бы в два счета.

– Это невозможно, – твердо говорю я. – Ведь это просто фантазии. У него красивое тело. А я бог знает сколько не занималась сексом.

Я и вправду этого не хочу. Это лишь усложнит мне жизнь. Не забывайте, я больше не желаю иметь дела с мужчинами. Жаль, что нельзя отпустить на волю свое тело и позволить ему заняться этим без участия души, разума или чувств, а потом снова залезть в это тело и продолжать жить. Это было бы просто здорово.

– Так поступают мужчины, – заявляет Фэй, когда я говорю ей об этом. – Почему бы и нам так не делать?

– Я не хочу, чтобы в моей жизни опять появился мужчина, – говорю я. – Я не желаю, чтобы кто-то поселился в моей квартире, переворачивал там все вверх дном и оставлял повсюду грязное белье.

– Но в этом нет необходимости, – напоминает она. – Ты можешь заняться этим у него дома. Потом оденешься и пойдешь домой. Можешь с ним даже не разговаривать.

Звучит соблазнительно.

Элли собирается ночевать с Лорен. Весь день она пребывает в радостном нетерпении. Прямо с утра, еще не выпив чаю, она начинает складывать вещи.

Мишка, зубная щетка, голубая пижама, халатик. Бутылка черносмородинового сока, два пакета чипсов, пачка вафель «Кит-Кат»...

– Это еще что? – я заглядываю к ней в сумку. – Что, у Фэй нечего есть?

– Ночное пиршество, – внушительно говорит она.

– Кто сказал?

– Лорен. Сначала мы устроим ночное пиршество, а потом ляжем спать. У нее в комнате.

– Пиршество. Это называется пиршество. Но вы этого делать не будете.

– Что такое ночное пиршество?

– Когда ночью едят много еды. Но вы будете спать.

– Но Лорен сказала!

– Лорен тоже будет спать. Саймон ни за что не позволит вам есть среди ночи чипсы и вафли.

Я вынимаю еду из сумки, и дочь принимается плакать.

– Но Лорен *сказала!* Ты злая, мамочка! Я тебя не люблю!

Честно говоря, я совсем не против, чтобы они устроили ночное пиршество. Много ли в жизни радостей? Почему, когда тебе четыре года, ты не можешь сесть ночью в кровати вместе с лучшей подругой и выпить черносмородинового сока с шоколадом и чипсами? Кому это мешает?

– Послушай, я оставлю две пачки вафель, и вы с Лорен можете съесть их перед сном, если разрешит Саймон. Но после этого обязательно почистите зубы. Договорились?

Она обвивает мою шею нежными ручками и влажно чмокает меня в щеку.

– Да, мамочка! Я люблю тебя, мамочка! Спасибо, мамочка!

Она прыгает по комнате, напевая что-то про ночные пиры, и я начинаю беспокоиться, не заболит ли она от перевозбуждения, прежде чем я отвезу ее к Фэй. Она еще не утратила способность радоваться таким простым вещам, и я ловлю себя на том, что отчаянно ей завидую. Почему, когда мы становимся старше, жизнь делается такой сложной?

– Хотелось бы мне прийти в такой же восторг, оттого что я буду ночевать в чужом доме и есть в постели вафли, – говорю я Фэй. Мы сидим в автобусе, который везет нас в город. – С возрастом это уходит. Способность радоваться жизни.

– Почему? Не всегда. Я и сейчас радуюсь праздникам. Или когда покупаю новую одежду. Ты нет?

– Нет, теперь я все время думаю, сколько истратила.

– Даже разным мелочам, например, когда можно заказать ужин на дом вместо того, чтобы готовить. Рождественским подаркам. Любимой передаче по телевизору. – Она помолчала. – Или тому, что мы с тобой выбрались поразвлечься.

– Правда? – Я с удивлением смотрю на нее. – Но вы с Саймоном постоянно куда-то ходите. Приглашаете няньку и идете в ресторан или в кино.

– Да. Но это совсем другое.

Мне немного не по себе. Я почти никуда не хожу, но я не придавала нашей вылазке особого значения. А Фэй ждала ее с нетерпением и радуется ей, несмотря на то что постоянно ходит куда-то с мужем.

– Я тронута, – говорю я. – Действительно, приятно сходить куда-нибудь вдвоем. Я тоже рада этому. Надо почаще выбираться в люди.

– Обязательно будем! – откликается Фэй, ее глаза сияют.

Странно.

Мы идем в бар на главной улице, один из некогда уютных пабов, которые теперь носят нелепые названия, что-нибудь вроде «Улитка в капусте» или «Тритон в томате», где в огромном пустынном помещении тут и там натканы высокие круглые столики, за которыми приходится стоять, как в метро.

– Пойду закажу нам выпить. – Фэй направляется к стойке.

Я стою за одним из круглых столиков, мне страшно неловко и кажется, что на меня все смотрят.

Большинство посетителей – компании или парочки. Парочки сидят у стен за столиками в освещенных слабым светом нишах, держатся за руки или прижимаются друг к другу, периодически обмениваясь поцелуями. Я невольно вспоминаю Дэниела, но лишь мельком, что-то вроде мимолетного приступа острой боли при несварении желудка, который проходит, оставляя слабость и легкую тошноту. Компания совсем юных ребят и девушек перекривается через весь бар.

– Кас! Тебе со льдом?

– Шас! Взять тебе чипсов? Обычные или с солью и уксусом? Уиллс хочет орешков?

– Тас! Джес сегодня придет?

– Пойдем потом к Оскару или нет, Гас?

Гас, Кас, Шас, Тас. Интересно, как их зовут на самом деле? Я наблюдаю, как они курсируют между баром и столиками с пивом, водкой, грудями чипсов и сигарет, смеются и засовывают в кошельки и карманы пачки денег. Эта молодежь богата. У них хорошая работа, добротная одежда и большие планы на будущее, им есть над чем посмеяться. Они не станут перебиваться временной работой и не думают заводить детей.

– Тебе когда-нибудь хотелось быть как они? – спрашиваю я Фэй, которая принесла пиво, и киваю в сторону шумной молодежи.

– В свое время и мы были такими, – говорит она. – Когда учились в университете. Мы тоже любили повеселиться.

– Вот только денег у нас не было.

– Деньги еще не все.

Мне не хочется с ней спорить. То, что я могу сказать, слишком банально: легко так говорить, когда ты не нуждаешься.

– Можно быть обеспеченным, – продолжает она, – даже богачом, но несчастным.

– Разумеется, но все-таки неплохо иметь возможность поразвлечься и не считать каждое пенни.

Она пожимает плечами:

– Не суди по первому впечатлению. Люди могут быть несчастны, изнывать от скуки, но красиво одеваться и развлекаться, делая вид, что прекрасно проводят время...

– Я бы так не смогла, – говорю я, делая большой глоток. – Зачем притворяться? Если ты несчастен, нужно как-то менять свою жизнь.

Фэй не отвечает. Я вижу, что она смотрит на дверь.

– Что? – спрашиваю я. – Что случилось?

– Ничего. Наверное, ты права, но не все так просто. Если человек несчастен. Не так просто что-то изменить. Если речь идет о других людях.

– Я не понимаю, о чем ты? – недоумеваю я.

– Извини. – Она со стуком ставит бутылку на стол и спрашивает: – Хочешь еще пива?

– Господи, Фэй, я еще не выпила и половины. К тому же теперь моя очередь.

– Не волнуйся. Заплатишь в следующий раз. Пойду возьму еще.

Я смотрю, как она идет к стойке. Она меня озадачила – тем, как быстро она пьет, и тем, что она говорит. Она несчастлива с Саймоном? Они поссорились? Обычно она рассказывает, когда они ссорятся, но в последнее время она ничего такого не упоминала.

Фэй долго нет, и, поискав ее глазами, я вижу, что она разговаривает с каким-то парнем. Наконец она возвращается, немного возбужденная, и молча ставит на стол пиво.

– Кто это был? – спрашиваю я.

– Кто?

– Этот тип у стойки.

– А... – Она неопределенно машет рукой. – Он заговорил со мной, пока мы стояли в очереди.

Она меняет тему. Мы говорим о детях. О садике. О предстоящей встрече с будущей учительницей девочек в школе. О Джеке и его капризах.

Мы допиваем по второму пиву, и я иду к стойке заказать еще. Я немного захмелела. Я отвыкла от этого. Теперь я могу рассмотреть парня, который разговаривал с Фэй. Он сидит на табурете у стойки со своим приятелем. Оба хорошо одеты, примерно наших лет, пьют неразбавленное виски. Пока я заказываю пиво, тот, что говорил с Фэй, оборачивается и смотрит на меня. Потом снова на Фэй. Он высокого роста, смуглый, с коротко подстриженными волосами и модной щетиной. Я оборачиваюсь и успеваю заметить, что она ему улыбнулась.

– Ты ведь пошутила? – говорю я, возвращаясь за столик. – Насчет того, что хочешь с кем-нибудь познакомиться?

– Конечно! А что?

– Ты явно положила глаз на этого парня! Я видела. Вон как он на тебя смотрит.

– Бет! Перестань. Подумаешь, посмотрела! Большое дело – перекинуться парой слов! Произнося эти слова, она снова улыбается ему.

Я не верю своим глазам.

– Ты не забыла, что ты замужем? – резко говорю я.

– Ради бога! Он что, в постель меня приглашает? Что на тебя нашло?

Может быть, я и правда хватилась через край. Алкоголь ударил мне в голову.

– Они идут сюда. – Я вижу, как этот тип и его приятель слезают с табуретов у стойки бара и идут к нам.

– Ну и что? Мы должны уйти? Неужели нельзя немного поболтать с парой вполне безобидных...

– Можно. Извини. Ты права. Ничего страшного.

– Привет, девушки. Хотите еще выпить?

Я смотрю на Фэй. Она продолжает улыбаться смуглому. Разумеется, в этом нет ничего страшного.

– Почему бы и нет! – без запинки отвечает она, словно ждала вопроса. – Большое спасибо.

– Нил, – представляется он.

– Мартин, – говорит тот, что пониже ростом, улыбаясь мне. – Что будешь пить?

– Пиво «Бекс», – отвечаю я, – пожалуйста.

Мартин направляется к бару, чтобы сделать заказ, а Фэй и Нил беседуют. Из-за музыки и гвалта им приходится пригнуться друг к другу. Он говорит ей что-то смешное, она хохочет,

откидывая голову, ее глаза сияют, и теперь я могу со всей определенностью сказать, что она пришла сюда именно ради этого.

Фэй может говорить что угодно, но ей хотелось подцепить парня.

А ее муж сидит дома с нашими детьми.

Лучше некуда.

Суббота

После ухода Дэниела я возненавидела выходные. Обычно мы с ним валялись в постели допоздна. Когда Элли подросла и научилась сама вылезать из кровати, она тоже стала приходить по утрам к нам в комнату, прижимая к себе плюшевого мишку и сунув пальчик в рот. Она залезала в постель и прижималась к нам, обвивая наши руки своими крохотными нежными ручонками, и мы вдвоем погружались в блаженную дремоту, а солнце поднималось все выше, пока утро не превращалось в день.

С уходом Дэниела прелесть утренней дремоты исчезла. Я по-прежнему радовалась, чувствуя сквозь сон, как Элли, маленькая и теплая, ныряла ко мне под одеяло, но потом мы обе начинали ворочаться, мешая друг другу, и наконец, потеряв терпение, я сбрасывала одеяло на пол и заставляла себя вылезти из постели, с тяжелым сердцем и вялым телом, ворчливая и мрачная с самого утра, словно впереди обычный будний день.

Теперь мне стало легче.

Удивительно, как быстро исцеляется человеческая душа. Когда он ушел, мне казалось, что я умру от боли; теперь, чтобы вспомнить эту боль, мне нужно хорошенько сосредоточиться. В первые дни Элли плакала и просилась к папе, а теперь она о нем почти не вспоминает. Хорошо ли это? Иногда я с тревогой думаю о том, чего она лишена. Дэниел решил, что для нее будет лучше, если он исчезнет из ее жизни.

— Она еще так мала, — сказал он, — что быстро забудет меня. Если я буду появляться и исчезать, покупать ей сладости и гулять с ней по выходным, я лишь заморочу ей голову.

Временами, когда я настроена снисходительно, мне хочется верить в его благородство. Для него это тоже нелегко, ведь он любил ее. Может быть, не так, как люблю ее я, для меня она — это я сама, часть моего тела, моей души, моего сердца, моего пульса — но так чувствует только мать, — и все же я знаю, он любил ее, я видела это по его глазам, по его улыбке, по тому, как он гладил ее по голове и брал ее за руку.

Но нередко я с обидой и болью думаю, что он избрал легкий путь. Рубец болит не так сильно, как открытая рана.

В эту субботу я просыпаюсь одна. Рядом со мной нет маленького теплого комочка, никто не поет песенки про булочки с изюмом или колеса автобуса, которые все крутятся и крутятся. Никто не стучит мне по голове плюшевым мишкой, чтобы я побыстрее проснулась. Некоторое время я лежу, разглядывая потолок и луч света, который пробивается в щель между шторами.

Дождя нет. Что ж, еще одна радость.

Элли осталась на ночь у Фэй и Саймона.

Я выскакиваю из постели и жадно выпиваю стакан воды. Давненько у меня не было похмелья. Меня мутит.

Сидя в туалете, я вспоминаю наш разговор с Фэй. Я со стоном придерживаю голову, мне кажется, что еще немного — и она отвалится, упадет и покатится по полу. Пожалуй, придется немного посидеть здесь. Не знаю, смогу ли я подняться. Пол почему-то наклоняется вбок.

Нет, я должна прийти в себя. Все будет нормально, нужно только посидеть еще пару минут.

Сдерживая тошноту, я подпираю голову рукой и закрываю глаза, но тут же открываю их снова, потому что с закрытыми глазами меня тошнит еще сильнее.

Черт побери, не торчать же мне целый день в этом проклятом туалете.

Зачем я затеяла этот дурацкий спор с Фэй?

Мы обе выпили. Если бы я не напилась, я бы не убежала, не стала бы в одиночку брать такси и не бросила ее...

Так.

Теперь я вспомнила.

Придя в себя, я отправляюсь на кухню заварить чай. Ну, конечно. Дело было так. Я оставила Фэй с Нилом, а сама взяла такси, потому что именно из-за Нила и случилась размолвка. Мы вышли из бара с Нилом и Мартином. Они хотели пойти в клуб.

– Бет, прошу тебя, – взмолилась Фэй, когда мы собрались уходить. – Пожалуйста, совсем ненадолго! Почему ты не хочешь?

– Потому что я и без того пьяна. Я хочу домой. Ведь ты говорила... Ты говорила, что мы всего лишь выпьем пива... Только ты и я.

– Да, я так и хотела, но скажи, что за беда, если мы вернемся на часик попозже, раз уж мы все-таки выбрались из дома? Нил с Мартином такие славные ребята, разве нет?

– Мы их впервые видим, – мрачно возразила я, узнавая интонации своей матери. – И что скажет Саймон?

– Саймону это знать не обязательно, – тихо сказала Фэй.

Я изумленно посмотрела на нее.

– Я хотела сказать, мы не обязаны перед ним отчитываться, – поправилась она. – Мы просто пропустим еще по стаканчику в другом месте...

– И что потом?

– А потом поедem домой, – сказала она. – Как же иначе.

– Извини, – сказала я. – Мне кажется, нам пора домой. Прямо сейчас.

Фэй обиженно надула губы:

– Ты просто зануда.

– А ты затеяла опасную игру.

Я удивлена собственными словами – я действительно здорово набралась, но это прозвучало вызывающе.

Какое-то время мы смотрели друг на друга. Фэй хотела что-то сказать, но, видимо, передумала. Я изо всех сил старалась держаться прямо.

– Ладно, раз так, – наконец сказала она, – делай как знаешь.

И зашагала прочь.

Я бросилась за ней, безуспешно пытаюсь схватить ее за руку.

– погоди! Куда ты?

– А ты как думаешь? В клуб. С Нилом.

– Отлично. Значит, я должна ехать домой одна?

– Твое дело.

Я обиженно думаю, что ее не волновало, есть ли у меня деньги на такси, и совершенно не заботило, как я в таком состоянии доберусь домой. Я сижу на кухне, пью горячий чай, и постепенно прихожу в себя, и думаю, звонить ли ей или сразу ехать за Элли. Несмотря на обиду, я волнуюсь, как она добралась домой, и не рассердился ли Саймон, что она пришла так поздно. Впрочем, она это заслужила. Я ставлю чашку в раковину, и в эту минуту раздастся звонок в дверь.

– Мапочка! Мы ели ругалики! С джемом!

– *Ругалики*. Привет, дорогая! – Я подхватываю Элли на руки и прижимаю ее к себе. – Тебе было весело?

Через голову Элли я смотрю на Фэй.

– Не обязательно было ее привозить. Я бы за ней приехала.

– Да, мамочка, а еще у нас было луночное пиршество.

– Полуночное...

– Нет! *Луночное!* – важно поправляет она, высвобождаясь из моих объятий. – Саймон сказал, что полночь еще не скоро, но мы можем дожждаться, когда появится луна, и устроить *луночное пиршество*. И мы залезли в постель, ели и кричали: «Спокойной ночи, Саймон!»

Бедный Саймон.

– Можно мне молока, мамочка? Можно мне посмотреть телевизор? Можно порисовать?

– Извини, – говорит Фэй, когда Элли убегает включить телевизор. – Она ужасно взбодражена. Но думаю, к ланчу она выдохнется.

Она заглядывает мне в глаза, и какое-то время мы смотрим друг на друга, не произнося ни слова.

– Я привезла ее сама, – начинает она, – чтобы поговорить с тобой.

– Я слушаю.

– Я имела в виду, без Саймона. Чтобы он нас не слышал.

Я жду.

– Я сказала Саймону, что ты была со мной. В клубе.

– Зачем? Если ты не видишь в этом ничего страшного, зачем врать?

– Просто... чтобы... ну, понимаешь... чтобы он не волновался. Без причины.

– А тебе не кажется, что у него есть для этого основания?

Она теребит прядь волос.

– Почему ты читаешь мне мораль? – наконец спрашивает она.

– Я не понимаю, что ты затеяла? У вас с Саймоном все нормально? Только не надо вздыхать и отводить глаза! Что происходит, Фэй?

Она берет стул и садится к столу.

– Ничего. Все нормально. Просто мне все надоело. Звучит ужасно, я понимаю, но, сказать по правде, у нас с Саймоном все отлично, помимо того, что он старше меня и...

– Он всегда был старше тебя! Это не новость!

– Но это так не чувствовалось. Он становится... – она беспомощно пожимает плечами, – в общем, все большим занудой. Мне просто надо встряхнуться. Я не хочу причинять ему боль. Но он не ходит в клубы и бары, а мне этого не хватает, Бет! Мне хочется принарядиться и сходить куда-нибудь, немного развеяться...

– Подцепить парня?

– Только чтобы встряхнуться. Что с тобой, Бет? Зря ты не пошла с нами, мы отлично провели время. И Мартину ты очень понравилась.

– Пропади он пропадом! – взрываюсь я. – Я его знать не знаю! Мне пришлось разговаривать с ним, потому что тебе было не оторваться от Нила. А потом в одиночку добираться домой. Я в восторге!

Она внимательно и печально разглядывает столешницу. Почему-то, несмотря ни на что, я чувствую себя полной идиоткой.

– Хорошо, – говорит она, – раз так, я обещаю, что на следующей неделе мы останемся вместе. Идет?

– На следующей неделе? Кто сказал, что мы пойдем куда-то на следующей неделе?

– Ты. Вчера ночью. Мы решили, что раз нам так хорошо, мы будем выбираться куда-нибудь каждую пятницу.

– Может быть, я согласилась, потому что перебрала пива, но это было до...

– А Элли и Лорен останутся с Саймоном. Он не против!

Легка на помине, в кухню врывается Элли и требует печенья.

– Мамочка, когда я снова пойду ночевать к Лорен? Когда у нас снова будет луночный пир? Фэй разрешила! Когда, мамочка?

Я смотрю на Фэй.

- Это эмоциональный шантаж, – констатирую я.
- Нет, Бет. Это возвращение к жизни. Давай просто радоваться ей.

Возможно, я была не права. И пыталась читать мораль. Наверное, в том, что Фэй хочет немного выпить, потанцевать, пофлиртовать с мужчинами и солгать мужу, нет ничего особенного. Ведь если он ничего не узнает, ему не будет больно. Вероятно, у меня нет права ее осуждать. Ведь это ее жизнь, а не моя.

Если не учитывать, что она моя лучшая подруга. Если забыть, что я автоматически становлюсь соучастницей этого обмана; в нем участвует даже мой ребенок. Если оставить в стороне то обстоятельство, что я испытала на собственной шкуре, каково быть обманутой. И мне не хочется, чтобы Фэй подобным образом обошлась с Саймоном. Я слишком люблю их. Их обоих. И поэтому мне страшно.

Чужие неприятности не остаются где-то там, далеко, в чужой жизни, они выплескиваются через край, выходят из берегов, просачиваются в твою жизнь и становятся твоими собственными, нравится тебе это или нет. И мне это не нравится.

Утомленная Элли засыпает рано, и я достаю блокнот и ручку. Я сижу за кухонным столом и смотрю на чистый лист бумаги. Я черчу на нем линии, соединяю их и превращаю в квадраты, рисую сверху крыши, чтобы получились дома, а на крышах рисую трубы, из которых идет дым. Я разглядываю листок, покрытый домами с дымящими трубами, и размышляю, что он говорит обо мне. Я вырываю страницу и смотрю на чистый лист. Что написать? С чего начать?

Этот честолюбивый замысел я вынашиваю давным-давно, он красной нитью пронизывает невзрачную и жалкую ткань моей жизни. Большую часть времени эта тайная мечта погребена под будничной суетой и текучкой. Повседневная жизнь не позволяет мне выпустить ее на волю. Если у меня, как сейчас, случайно появляются свободные полчаса, я размышляю о ней. Пожалуйста, сурово говорю я себе, сейчас у тебя есть время. За тридцать минут ты могла бы написать сотню слов, а это уже что-то. Чтобы стать знаменитым сценаристом, надо с чего-то начать. Ты будешь мечтать до глубокой старости и, когда у тебя не останется сил держать ручку, от досады начнешь кусать себе локти.

– Я хотела написать нечто потрясающее, – горько скажешь ты. – Но у меня не было времени.

Потом я отвечаю себе:

– Послушай, заткнись. Я хочу посмотреть телевизор. Я хочу посидеть, задрать ноги, с чашкой чая, прежде чем пойду спать. Я хочу почитать газету. Я, черт возьми, хочу просмотреть мою банковскую распечатку. У меня еще будет время. На следующей неделе. Или в следующем году. Когда станет немного полегче.

Но жизнь не становится легче. Я откладываю это так давно и так часто, что уже не ищу себе оправданий. Я перестала донимать себя и прислушиваться к себе.

Но идея уже есть. Главное – начать, поймать настроение, сделать кое-какие заметки, записать основные мысли, и все пойдет как по маслу. На сей раз я это сделаю.

Нужно прекратить мараить бумагу дурацкими картинками и сдвинуться с мертвой точки.

Но может быть, если я приготовлю чашку чая и включу телевизор, это натолкнет меня на свежую идею?

Я ложусь в постель (бумага так и осталась нетронутой), но не могу уснуть. Дождя сегодня нет, и я не понимаю, почему мне не спится. Я думаю про Фэй, которой хочется в ночной клуб, и Саймона, который ей надоел, про Элли и миллион маленьких и больших

тревог, связанных с ней, про свою паршивую жизнь и про то, почему я не могу написать несчастную сотню слов, даже если есть время, про чистый лист бумаги и про то, как стать знаменитым драматургом.

Я ворочаюсь с боку на бок, переворачиваю подушку, включаю свет, выключаю свет, открываю глаза, закрываю глаза, считаю овец и пытаюсь думать о самых скучных вещах на свете (например, про уборку квартиры Алекса Чапмэна) и наконец оставляю бесплодные попытки уснуть, надеваю халат и иду на кухню попить. Проходя мимо комнаты Элли, я слышу, как она разговаривает во сне – подобное случается, если она переутомилась или перевозбудилась. Я стою в дверном проеме и слушаю ее тихое бормотание. Я не хочу ее будить, обычно через какое-то время она умолкает и, слегка поворочавшись, погружается в глубокий сон.

Говорят, любители подслушивать никогда не слышат ничего хорошего. По-видимому, это относится и к матерям, которые подслушивают сны своих детей.

– Спроси своего папу, – бормочет Элли. Она вздыхает, лепечет что-то невнятное и хмурится. – Спроси... папу. Я спрошу своего папу. Спроси *моего* папу... Папа?

Она тихонько всхлипывает, переворачивается на другой бок и замолкает. Я бросаюсь на кухню. Лучше бы я этого не слышала. То, чего не слышишь, не может причинить боль. Почему он ей снится? Она не видится с ним и давно не спрашивает о нем. Это моя вина. Я должна была с ней поговорить. Я знала, что рано или поздно это случится. Она перенесла психологическую травму. Может быть, посоветоваться с ее воспитательницей? Или с врачом? С мамой? Меня охватывает отчаяние. Я наливаю стакан молока и выпиваю его большими глотками.

Все из-за тебя, Дэниел, ты настоящий мерзавец.

Где ты теперь? Почему все беды и проблемы достаются мне одной? Каждый месяц ты перечисляешь на мой счет деньги и считаешь, что все в порядке. Ты живешь со своей новой подружкой в новом доме, словно нас с Элли больше нет, делая вид, что у тебя никогда не было дочери, что ты не держал ее, голенькую и скользкую, на руках в первые минуты ее жизни и не плакал от восторга. А теперь Элли плачет во сне, а ты даже не знаешь об этом. Тебе наплевать.

Мне тоже хочется плакать, но я уже не могу. Время слез позади. Я сижу на кухне и смотрю на пустой стакан. Я приняла решение. Я тебе кое-что покажу, Дэниел Поттер. Ты узнаешь, на что я способна. Я добьюсь своего, не сомневайся. Я – не только уборщица и не только твоя бывшая подруга, которую можно не брать в расчет, можно просто выбросить, когда на горизонте замаячило что-то новенькое.

Я напишу телевизионный сценарий и стану знаменитой. Я начну прямо сейчас, сегодня же, и не лягу, пока не напишу сотню слов.

И на этот раз я не отступлюсь!

Среда

Дотти Андерсон восемьдесят три года, но она убеждена, что ей не больше двадцати пяти. Она недоумевает, отчего у нее артрит и почему она глуховата; в столь юном возрасте, говорит она, никто из ее родственников не сталкивался с подобными проблемами. Никаких лекарств она не принимает.

– Глотать разные пилюли и микстуры – последнее дело, – объясняет она. – Я же не какая-нибудь старая карга, слава богу, я пока молода и здорова.

Она присматривает за двумя «старушками» (обе младше ее), что живут по соседству, и частенько угощает их горячим обедом или фруктовыми пирогами собственного приготовления.

– Бедняжки совсем никуда не выходят, – сокрушается она, совершенно упуская из виду то обстоятельство, что сама вынуждена почти безвылазно сидеть дома. – Им даже до магазина не добраться, вот ведь какая беда.

На самом деле я частенько встречаю их в супермаркете «Теско», где делаю покупки для Дотти. Они вдвоем несут небольшую проволочную корзинку, а на выходе из магазина осторожно перекладывают ее содержимое в корзину из ивовых прутьев на колесах, которую тоже вдвоем катят домой. Я толкаю перед собой тележку, изучая список, составленный Дотти. Там написано:

Печенье – соседкам

Полфунта фарша – соседкам

Шесть бананов – соседкам

Маленькая буханка зернового хлеба – соседкам

– Понимаешь, им самим нипочем не справиться, – поясняет она, когда я спрашиваю, почему список такой длинный. – Старость не радость.

Мне нравится Дотти. Я люблю приходить в ее одноэтажный домик с верандой, заваривать чай на маленькой голубой кухоньке, чистить старую медь и серебро, приводить в порядок садик и отпихивать Тоссера, который норовит вцепиться мне в лодыжку.

Дотти есть что порассказать. Говорит она беспрерывно, даже когда я включаю пылесос и не слышу ни слова. Я показываю, что ничего не слышу, но, похоже, ее это не трогает, она все говорит и говорит. Она рассказывает о своем муже, о том, каким он был мерзавцем, и как она счастлива с тех пор, как он умер в 1962 году от укуса собаки.

– От укуса собаки? – изумленно переспросила я, опасливо косясь на Тоссера, когда услышала эту историю в первый раз.

– Началось заражение. Рука стала гнить. Гангрена. Уничтожила его в неделю. Врачи ничего не могли сделать. – Она пожала плечами и философски заметила: – Такова жизнь.

Она рассказывает мне о своих детях, которые уехали за границу, – сын живет в Австралии, дочь – в Штатах.

Мне жаль ее. В этой стране у нее не осталось ни одного близкого человека, кроме сестры, которая, по ее словам, «не в своем уме».

– Такова жизнь, верно? – говорит она, прихлебывая чай. – Что есть, то есть. Что толку жаловаться.

Она рассказывает, как старушки-соседки каждый понедельник приходят к ней на чай и беспрерывно жалуются.

– Что им остается? Им и правда нелегко. Пилюли от того, таблетки от этого, доктора, больницы... от них добра не жди, уж я-то знаю. Слава богу, я пока молода и здорова.

Она поднимается и с трудом ковыляет на кухню.

– Я помою посуду! – протестую я, когда она включает горячую воду.

– Нет, я сама! У тебя и так полно работы, тебе еще нужно сходить в магазин и погулять с Тоссером.

Она виновато смотрит на меня.

– Надеюсь, детка, на следующей неделе мне станет получше, и я погуляю с ним сама. Все из-за проклятой сырости в коленях. Отдохну немного, и на следующей неделе все будет нормально.

Она не в состоянии выйти на улицу уже пять лет.

– Не волнуйтесь, Дотти. Я люблю с ним гулять, – беззастенчиво вру я, пытаюсь надеть ошейник на Тоссера, который норовит вцепиться мне в запястье.

– Это он играет, – говорит она и ласково похлопывает его узловатой коричневой ладонью. – Правда, мальчик?

Он обнажает зубы и угрожающе ворчит.

Славная собачка.

Два раза в неделю ее навещают девочки-старшеклассницы из ближайшей школы. Это часть их общественной работы. Однажды я видела их – одна из них забыла у Дотти свой мобильный телефон, и они зашли в среду. У обеих коротко остриженные, крашенные волосы и серьги в носу. Дотти говорит, что они славные девчушки. Они гуляют с Тоссером, заваривают для Дотти чай и спрашивают, не нужно ли ей что-нибудь. Они задают уйму вопросов о том, как жилось раньше, когда не было телевизоров.

– В школе им задали выполнить проект, – она улыбается. – Они записывают все, что я рассказываю.

Я представляю школьную тетрадь, исписанную от корки до корки рассказами про мужа-мерзавца.

– Они обожают Тоссера, – говорит она. – Правда, мальчик? Они приносят ему печенье.

Таким образом, он гуляет по вторникам, средам и четвергам, а в остальные дни, насколько мне известно, довольствуется крохотным садиком за домом.

Может быть, из-за этого у него такой скверный характер.

Я протираю безделушки на камине, а Дотти рассказывает мне про своего внука, младшего ребенка в семье сына, который уехал в Австралию.

– Хочет быть художником, – говорит она.

Я смотрю на нее с любопытством.

– Глупый мальчишка, – добавляет она тоном, не допускающим возражений.

– Почему?

– Не знаю. Думает, станет знаменитым, – фыркает она, тряхнув седой головой.

– Нет, я хотела спросить, почему вы считаете его глупым? Это ведь здорово, иметь мечту?

– Мечту? Он хочет найти непыльную работу, вот что я тебе скажу, мечта тут ни при чем. С тех пор как он окончил школу, он не принес в дом ни пенни!

– Но ведь вы говорили, что он учился в университете?

– В университете! – хмыкает она.

Это ее любимая тема: один из величайших пороков современного общества в том, что слишком много бестолковых детей отправляется в университеты, которые, как всем известно – ведь об этом пишут в газетах...

– Рассадники для политиканов. Там молодежь распускается до предела.

– Или раскрепощается, – улыбаюсь я. – Но как можно зарабатывать деньги, если учишься в университете, – быстро добавляю я, прежде чем она успевает с жаром взяться за другую любимую тему – сексуальную распушенность. Вообще-то на нее она не жалуется. Просто считает несправедливым, что она не может выйти из дома и тоже вкусить ее плоды.

– Он окончил университет, – говорит она недовольно. – Непонятно, ради чего.

– А какой у него диплом?

– Искусство и английский язык.

– Но это же замечательно! – искренне говорю я. – Он просто молодец.

– Ты так считаешь? Искусство? Но это не профессия – это хобби! Живопись, рисование, видали! И что хорошего в дипломе по английскому языку? Он и без того говорил по-английски. Если бы он получил степень по французскому или латыни, это я еще понимаю.

– Но ведь... – Иногда мне кажется, что Дотти нарочно меня заводит. Она далеко не глупа. – Тот, кто получает степень по английскому, изучает литературу. Очень много литературы. Это нелегкое дело.

– Книжки читают все, детка, – говорит она снисходительно. – Для этого большого ума не надо.

– И все же, он сделал это. Теперь он дипломированный специалист.

– Да. И теперь, говорит сын, он слоняется без дела, рассусоливает о современном искусстве и занимается самовыражением. Полная ерунда. Что может выразить мальчишка в его годы, а если он это и сделает, кому это интересно? Для этого нужен жизненный опыт, вот тогда тебе будет что выразить. Нужно немного пожить, узнать, что такое любовь и что такое страдание. Испытать страх и удивление.

Я смотрю на нее в изумлении. Она часто потрясает меня своей наивной мудростью.

– Вы правы, – робко говорю я. – Но, наверное, ему нужно с чего-то начать – попробовать себя.

– Пусть пробует. Но поработать ему не повредит, – отрезает она. – Давай-ка попьем чайку.

Гуляя с Тоссером, я думаю о нашем разговоре. Если молодежь и в самом деле не должна заниматься самовыражением, почему есть те, кому удастся издавать романы? Время от времени, на полосах по литературе и искусству, газеты публикуют имя никому не ведомого «нового дарования», первый же роман которого превозносится критиками за свежесть, оригинальность и новизну восприятия. Чем они восполняют недостаток опыта? Я читаю такие статьи с завистью, граничащей с негодованием. Почему этим молокососам удастся публиковать романы, а я, дожив до двадцати девяти лет, рисую чертиков и домики с трубами?

Впрочем, это позади. Больше я этого не делаю.

Я делаю глубокий вдох, чтобы унять дрожь внезапного возбуждения.

Вчера я начала писать. Я прекратила давать себе обещания, мечтать и строить планы, села за стол, взяла заметки, что сделала ночью в субботу, и начала писать. Я сделала это в квартире Алекса Чапмэна, во время, оплаченное Алексом Чапмэном. Я включила компьютер Алекса Чапмэна и взялась за дело.

Вы меня осуждаете?

Хватит ли у вас на это духу?

Его мать хотела, чтобы я убирала его квартиру, и я это делаю. Квартира в идеальном состоянии, придаться не к чему. Я же не виновата, что у него такой порядок.

Конечно, это не вполне честно. Думаю, если бы мир был совершенен, и я была бы совершенным, стопроцентно порядочным человеком, я честно сказала бы старой ведьме, что оплачивать четыре часа за уборку этой квартиры просто смешно, потому что ее сын помешан

на чистоте и не оставляет после себя ни крошки. Я отказалась бы от денег, которые она кладет в коричневый конверт и передает мне через Луизу, очевидно опасаясь прикасаться ко мне, чтобы не подцепить какую-нибудь заразу.

Если бы я была стопроцентно честной и порядочной, мне бы и в голову не пришло включать чужой компьютер, тогда как мне в обязанность вменяется лишь вытереть с него пыль. Я понимаю, что это некрасиво. Я хорошо воспитана. Я посещала воскресную школу.

И все же не судите меня строго.

Трудно сидеть сложа руки, в то время как можно заработать целое состояние. Так я сделаю первый шаг к вершинам славы, смогу осуществить мечту всей жизни и отправиться в отпуск за границу, в южные страны с бесконечными пляжами, покрытыми мягким белым песком... Мама будет гордиться мною, а Дэниел проклянет день и час, когда он оставил меня. Прости меня, Господи, но у меня просто не было выхода. Мне пришлось это сделать. Когда я разбогатею, я возьму Алексу Чапмэну расходы на электроэнергию.

– Как Дотти? – спрашивает Фэй.

Я привезла Элли и Лорен из садика. Обычно их забирает Фэй, а я приезжаю к ней после уборки в час или в два, но по средам – моя очередь, потому что у Дотти я работаю до половины первого, а потом по дороге домой забираю девочек. Я готовлю ланч для Дотти, она ест, временно прекращая разговаривать, и в это время я ухожу.

– До свидания, детка, – говорит она, прежде чем приняться за еду. – Увидимся через неделю. Думаю, к этому времени мои ноги будут получше.

– С ее ногами ничего не изменится, – вздыхаю я, – если она не сходит к врачу и не начнет лечить артрит.

– Вот упрямая старуха, – качает головой Фэй.

– Она не хочет становиться старой. – Я отлично понимаю Дотти. – Не желает быть больной и беспомощной. Она убедила себя, что это не так...

– А что будет, когда она вообще не сможет двигаться? Будет прикована к постели? Не сможет о себе заботиться?

– Тогда и будем думать, что делать.

– Будем? Кого ты имеешь в виду, Бет?

Я слегка покраснею.

– Я хочу сказать, мне придется позвонить в социальную службу и узнать, чем они могут помочь.

– Ты не обязана этим заниматься.

– Ну, хватит! – Я раздраженно обрываю Фэй. – Заладила, как попугай. Я считаю, что обязана, потому что...

– Ты убираешь ее квартиру, а не...

– Но у нее никого нет. Ни родных, ни друзей, если не считать двух старушек, которые живут по соседству.

– Но ведь за границей у нее есть сын и дочь?

– Значит, я свяжусь с ними. Если что-нибудь случится, я им позвоню. Хотя, по-моему, они не из тех, что бросят все и примчатся, чтобы организовать уход за матерью. У них своя жизнь, семья, работа и все такое.

– Но они ее дети, – говорит Фэй с легким недоумением. – А ты – уборщица.

– Я не забыла.

Я стою у нее на кухне, смотрю в окно и комкаю лист бумаги, который держу в руках. Я не понимаю, почему я так разозлилась.

– Это же *моя картина!* – пронзительно кричит Элли, выхватывая у меня шарик хрустящей желтой бумаги, покрытой красными и синими пятнами. – Мамочка, ты ее испортила!

– Прости, дорогая! – Я пристыженно разглядываю бесценное произведение моего ребенка. Да что со мной, в самом деле? О чем я думала?

– Послушай, Элли, – вмешивается Фэй. – Это же современное искусство! – Она разглаживает рисунок на кухонном столе. – Мы сделаем из нее коллаж! Возьмем клей, соберем листья в саду...

Лорен, которая наблюдает за этой сценой, берет свою картину и тоже превращает ее в коллаж. Я благодарно улыбаюсь Фэй, а девочки склоняются над банкой с клеем и сосредоточенно хмурятся, захваченные возможностями созидания.

– Как у тебя хорошо получается, – говорю я Фэй. – Ты замечательная мать.

– Ты тоже, – говорит она, обнимая меня. – Старая кочерга.

Когда я прихожу домой, звонит Луиза Перкинс. Ее голос дрожит.

– Бет, мне нужно сказать тебе... я не знаю, как это сказать...

– Что случилось? – испуганно спрашиваю я.

Обычно Луиза весела и безмятежна. Сейчас у нее совершенно убитый голос.

– Мы переезжаем. Мне очень жаль.

– Когда? Почему? Это связано с работой Бена?

Они любят свой Сельский домик. Луиза постоянно говорит, как они привязаны к этому дому, какой он удобный, как хорошо в нем детям.

– Работа Бена? – Она тихонько фыркает, точно я пошутила. – Да, пожалуй. Он только что сказал мне, – она начинает говорить торопливо, захлебываясь словами. – Мы по уши в долгах, Бет. Мы очень долго жили не по средствам, я об этом понятия не имела. Я знала, что нам нужно выплатить огромную ссуду, но он говорил, что все под контролем, что он работает сверхурочно и получает премии. Вся моя зарплата уходила на еду и на детей, остальное было на нем. Ссуда, счета... кредитки... финансовые соглашения... превышение кредита...

Я слышу, что она плачет.

– Ты не обязана мне это рассказывать, – говорю я растерянно.

– Это уже знает вся округа. – Она рыдает, не сдерживаясь. – Мы задолжали банку по ссуде, за неуплату у нас заберут машины, телевизор, музыкальный центр и мебель в гостиной. Мы не расплатились за двойные стекла и встроенную технику на кухне, и теперь против нас возбужден иск... За школу мы тоже больше платить не можем. Придется забрать оттуда детей.

– Господи, – говорю я. – Какой кошмар.

Настоящий кошмар. А я-то думала, что мне тяжело живется. Пожалуй, лучше ничего не иметь, чем иметь все, а потом лишиться этого.

– Мы продаем дом, – сообщает она. – Постараемся сделать это как можно быстрее.

– Где вы будете жить?

– Не знаю. Снимем какую-нибудь квартирку поменьше.

Она шмыгает носом и добавляет:

– Мне так жаль, Бет. Я знаю, тебе нужны деньги, но...

Похоже, ей они сейчас нужны куда больше.

– Это не важно, – вру я. – Я могу тебе помочь?

– Это можно, – вздыхает она. – У нас накопилось огромное количество барахла.

Кому-кому, а мне это известно.

– Помочь тебе укладывать вещи?

– Нет. Нам придется от них избавляться. Я хочу, чтобы ты заехала и взяла, что тебе нужно.

Мне становится неловко. Мне в самом деле хочется ей помочь. Она такая милая и совсем не заслужила этого. Но то, что есть у нее дома, мне не по карману. Даже если она отправит свои вещи на распродажу, я все равно не смогу себе этого позволить.

– Я... я даже не знаю, – бормочу я. – Может быть, что-нибудь я бы и взяла. Но с деньгами... тебе придется пару недель подождать... извини, но...

– Бет, – восклицает она, и ее голос больше не дрожит, – бог с тобой! Я не собираюсь брать с тебя деньги! Ты моя подруга!

– Но...

– Ты столько времени заботилась о нас, убирала наш дом, ни о каких деньгах и речи быть не может. Ты же не виновата в том, что случилось. Все, что мы можем для тебя сделать, это отдать то, что сгодится для Элли; я говорю про вещи, из которых выросли девочки. Иначе придется все это выбросить. Я прошу тебя об одолжении – заскочи к нам и заведи хотя бы часть.

– Но их можно продать. У твоих детей такие великолепные вещи – отличная дорогая одежда, – это целое состояние. Дай объявление в газету...

– На это у меня нет времени. И нет места, чтобы все это хранить. Прошу тебя, Бет. Я буду тебе очень благодарна. У меня нет сил помимо всего прочего заниматься еще и этим.

Я не знаю, как быть. Мне хочется ей помочь, но я не могу пользоваться тем, что у нее стряслась беда.

– Приезжай завтра, в обычное время, – продолжает она, словно мы обо всем договорились. – Я возьму выходной. Ты поможешь мне разбирать вещи... Ах нет... Завтра не получится. Завтра у нас встреча с управляющим банка. Давай в понедельник, Бет. Прошу тебя! Мне так нужна твоя помощь. И хочется с кем-нибудь поговорить.

Я уступаю.

– Хорошо. Я приеду и помогу тебе разобрать вещи. Мы упакуем то, что ты хочешь оставить, и то, от чего хочешь избавиться. Потом я отвезу эти вещи на распродажу.

– Нет! Забери их себе! Возьми все, что хочешь.

– Хорошо, я оставлю кое-что для Элли. Но на распродажу я все равно съезжу. Я помогу тебе вернуть хотя бы часть денег, Луиза.

– Ладно, но эти деньги мы поделим.

– Не говори глупостей. Я найду другую работу.

Я включаю чайник и через запотевшее от пара окно нашей кухоньки выглядываю в крохотный вымощенный дворик, который я в шутку называю садом. У стены стоят маленький розовый велосипед Элли и с полдюжины горшков с растениями. В основном их подарил мне Оливер. Большая часть уже завяла. Я живу скромно, но, слава богу, у меня есть все, что нужно. Кто бы мог подумать, что Луиза Перкинс с ее великолепным домом, престижной работой и мужем-начальником окажется в худшем положении, чем я?

Но теперь я потеряла два рабочих дня в неделю. Хотя говорить об этом слишком эгоистично.

Пятница

- В детском саду требуется воспитательница, – говорит Фэй.
- Да, но платят там гроши.
- Согласна. Зато в те дни, когда ты работаешь, не нужно платить за Элли. Это может быть выгоднее, чем убирать и платить за пять дней в неделю. Ты об этом не думала?
- Вообще-то нет, – угрюмо отвечаю я, открываю пакет с чипсами и выбираю самый большой кусочек. – Вряд ли Элли пойдет на пользу, если я буду рядом... Да и вообще... – Я пожимаю плечами.
- Что?
- Думаю, обойдусь без этого.
- Бет, ты постоянно говоришь, что тебе не хватает денег. А теперь ты потеряла еще два рабочих дня.
- Луиза не виновата!
- Никто не говорит, что она виновата. Но они, по крайней мере, могут просто немного себя ограничить. И забрать детей из этой навороченной школы.
- Им это нелегко. Они действительно попали в беду. Мне ее ужасно жалко – ведь она ничего не знала...
- Фэй фыркает:
- Ну и семья – муж не говорит жене, что творится с деньгами.
- Наверное, он надеялся, что все наладится. Но дела шли хуже и хуже, и он испугался. Фэй снова фыркает, и я чувствую, что мне хочется прекратить этот разговор.
- Мы молча едим. Дети поглащают ланч и смотрят телевизор.
- Как Оливер? – спрашивает Фэй с усмешкой.
- Как всегда. – Я невольно передергиваюсь.
- Значит, ты еще не уступила его мольбам?
- Ты узнаешь об этом первая! – усмехаюсь я.
- Она улыбается:
- Наверное, приятно, когда кто-то так настойчиво тебя домогается.
- Едва ли. Думаю, что Оливер бросается на всех и каждую. Я просто попалась ему под руку.
- Может быть, для него это вызов. То, что ты не соглашаешься. Наверное, он к этому не привык – если он и правда так хорош собой.
- Красавчик, каких поискать! – подтверждаю я.
- Я бы не возражала оказаться на твоём месте, – весело говорит она.
- Ты бы бежала без оглядки, не сомневайся. Только пятки сверкали бы. Все это одна болтовня.
- Конечно. – Она улыбается. – Ты же меня знаешь. Болтаю, болтаю, болтаю, – и, проглотив кусок сэндвича, спрашивает: – Ты еще не передумала прошвырнуться сегодня вечером?

Фэй – странный человек. Она отлично знает, как я живу, понимает, как мне тяжело, я только что рассказала ей, что потеряла два рабочих дня и не знаю, как сведу концы с концами, а сама она минуту назад уговаривала меня устроиться в детский садик. И тут же спрашивает, хочу ли я снова напиться.

- Нет, – сердито отвечаю я. – Сейчас это мне не по карману. Тебе это известно.
- Всего одно пиво. Я угощаю.

– Фэй, в прошлый раз ты тоже сказала, что мы выпьем по паре пива, а чем все кончилось?

Виновато потупив глаза, она говорит:

– Знаю, я вела себя не лучшим образом. Прости. Обещаю, это не повторится. Позволь мне угостить тебя пивом, Бет, пожалуйста. В порядке возмещения морального ущерба. Я прошу тебя! – Она произносит это таким тоном, словно оказывает мне услугу. Не понимаю, как ей это удается.

– Я сказала, – говорю я, поднимаясь, чтобы уходить, – я не могу себе это позволить. Разговор окончен.

Но в девять часов вечера мы опять идем в тот же дурацкий бар с тем же дурацким названием «Репа с редькой», или как его там еще. На этот раз мы облюбовали для себя уютный уголок, как влюбленные парочки. Мне немного обидно, что меня так легко уговорить. Почему я такая бесхарактерная? Как только Элли и Лорен дружно зарыдали, давая понять, что я хочу погубить их жизнь, лишив совместной ночевки и ночного пира, я тут же пошла на попятный, растаяв, как йглу под суховеем. Фэй даже не пришлось ничего говорить. При этом она разыграла очень неплохой спектакль, делая вид, что целиком и полностью на моей стороне:

– Нет, дети. Если мама сказала «нет», Элли, значит, нет. Извини.

– Но, мамочка! Ты же говорила! Ты же обещала! Я тебя не люблю!

– Перестань, Элли, не хнычь, не надо капризничать. Лорен, не плачь. Бет сказала «нет».

– Но так нечестно! Ты разрешила! Бет обещала, что разрешит!

– Что поделаешь, значит, обстоятельства изменились. Бет говорит «нет».

Да эта Бет просто старая ведьма, говорит «нет» и доводит детей до слез.

– Даже если мы никуда не пойдем, я могу привезти Элли на ночь, – предлагаю я. – Если не возражаешь. Или ты привози к нам Лорен.

– Саймон должен прийти пораньше, – говорит Фэй. – Мы договорились, что он останется с детьми. Если ты привезешь Элли, мы можем спокойно пойти и выпить пива, раз уж ты все равно приедешь. Иначе получится, что он зря отпрашивался. Ему будет обидно. Хотя я пойму, если ты...

Я же сказала, я ужасно бесхарактерная.

И вот мы заказываем по второму пиву. Оба раза заплатила Фэй. Теперь, если я не предложу заказать еще по бутылке, я буду чувствовать себя настоящей скрягой, и я знаю, она не откажется, и в результате все закончится, как в прошлый раз.

И, словно в подтверждение тому, кто бы вы думали появляется в дверях? Старски и чертов Хатч² собственной персоной.

– Привет, Нил. Привет, Мартин, – проникновенно произносит Фэй, глядя на Нила. – Какой сюрприз! – От ее сладкого голоса меня начинает трясти.

– Хотите еще выпить, девушки? – спрашивает Нил, улыбаясь Фэй.

– Вообще-то мы уже уходим, – говорю я с нажимом.

– Ну, разве что по стаканчику, – говорит Фэй. Очевидно, она кажется себе очень остроумной, потому что при этих словах она заходится идиотским повизгивающим смехом, кокетливо поправляя волосы. Нил не сводит с нее глаз.

– «Бекс»? – спрашивает меня Мартин. Легким движением бровей он показывает мне на Нила и Фэй и слегка усмехается, и внезапно я чувствую, что он мне симпатичен. Возможно, если бы мы сблизилась, он понравился бы мне еще больше, но этому не бывать, потому что мы уйдем, как только выпьем пиво.

² Герои одноименного английского телесериала 1970-х гг.

– Да, пожалуйста, – киваю я. – Но мы действительно скоро уходим. Мне очень жаль. Он приносит пиво и садится рядом.

– Если не секрет, куда вы так торопитесь?

– Видишь ли, я вообще не собиралась никуда идти. Меня уговорила Фэй, – нехотя сознаюсь я.

– Как это ей удалось? – улыбается он.

Я тоже заставляю себя улыбнуться.

– Ты меня не так понял. Можно подумать, что она мной командует, а я – безответное создание, которое не в состоянии сказать «нет». На самом деле она никем не командует.

– Просто ты не в состоянии сказать «нет»? – говорит он, усмехаясь.

– Когда захочу, в состоянии. Хотя сегодня надо было отказаться. Но... понимаешь... она моя лучшая подруга. Она постоянно мне помогает. Мне тяжело отказать, когда она просит о такой ерунде.

– Ты не хотела идти в бар?

Я пожимаю плечами:

– Честно говоря, сейчас у меня просто нет на это денег. За два пива заплатила она, а ты купил мне третье! Не волнуйся. Теперь моя очередь.

– Господи, что за глупости, прекрати! – он машет рукой и протягивает мне чипсы. – И как Фэй тебе помогает?

– Присматривает за моей дочкой, пока я работаю.

Он кивает.

– Где ты работаешь?

Было ясно, что он это спросит. Я понимаю, что мне нечего стыдиться. В уборке квартир нет ничего дурного. Это нормальный, честный способ зарабатывать себе на жизнь. Такие, как я, обеспечивают развитие промышленности и торговли, давая возможность другим заниматься профессиональной деятельностью. Это прекрасное занятие, которое доставляет глубокое удовлетворение.

– Я – сценарист, – говорю я.

Откуда это? Я не собиралась этого говорить.

Я машинально прикрываю рот рукой, не веря, что я это сказала.

– Пишу сценарии для телевидения, – добавляю я.

Господи! Еще немного, и я начну хвастаться, как я знаменита.

– Здорово! – Мартин качает головой и с улыбкой спрашивает: – Ты знаменита?

– Пока нет, – загадочно говорю я.

Боже мой!

– Но я стараюсь. Конкуренция в этом деле жестокая, но сейчас я пишу один сценарий... Надеюсь, он поможет мне пробиться.

– Потрясающе! И кому ты хочешь его продать?

– Хм... гм... э-э... вообще-то, этими вопросами занимается мой агент.

– Ну да, разумеется. Надо же, как интересно. Чувствую себя последним занудой.

– А ты чем занимаешься? – я стараюсь сдерживать снисходительный тон.

– Я кардиохирург.

Хотя он всего лишь хирург-стажер, я чувствую, как глупо было похвастаться своим сценарием (на самом деле я написала лишь несколько страниц, которые, возможно, никогда и никто не прочтет). Но как теперь, скажите на милость, я признаюсь ему, что я уборщица? Да, я не стыжусь этого, но вставить такое в беседе между кардиохирургом и сценаристом весьма непросто.

На самом деле мы болтаем уже довольно долго и успели обсудить массу тем, кроме кардиологии и драматургии, – книги, фильмы, политику, погоду, выходные, любимые рестораны, еду, которую заказывают на дом, как давно я дружу с Фэй, с каких пор он знает Нила, в каких университетах мы учились, состояли ли мы в браке, есть ли у нас дети (у него нет) и общее положение дел на свете, – и внезапно я чувствую, что мне неприятно, что я уборщица, а он об этом не знает.

И это мне очень не нравится.

Да, мне это совсем не нравится, – что мне за дело до парня с взлохмаченными русыми волосами и легкой кривой улыбкой. Еще час назад я не собиралась с ним разговаривать. Я хотела выпить пиво и как можно быстрее уйти, вместо этого он заказал мне еще одно пиво, и я сижу, смеюсь и болтаю с ним, забыв обо всем на свете, словно я в восторге от всей этой затеи.

Это не нравится мне еще и потому, что я наплела ему невесть что, а врать я не привыкла и проклинаю себя за то, что постеснялась сказать ему правду, а теперь мне страшно признаться в этом.

И... это не нравится мне, потому что я напрочь забыла про Фэй.

Я так увлеклась беседой с Мартином, словно встретила старого друга, и начисто забыла, что собиралась присматривать за Фэй. Мне не хотелось, чтобы ее флирт зашел слишком далеко. Я отлично понимаю, что она взрослый человек, а я ей не мать, и все же она моя подруга, и судьба ее брака мне не безразлична. И она так глупо себя вела. Но, похоже, я упустила момент. Теперь они не просто сидят рядом – они сидят *рядом*. Думаю, разница вам понятна. Да, они сидят бок о бок, касаясь друг друга, их бедра соприкасаются, их плечи соприкасаются и их руки тоже то и дело соприкасаются. Они сидят голова к голове, куда ближе, чем требуется, чтобы расслышать друг друга.

Я замолкаю на полуслове. Мартин перехватывает мой взгляд, и теперь мы смотрим на Фэй и Нила вдвоем.

Нил первым замечает, что мы замолчали. Он смотрит на нас с легким недоумением, словно ожидая объяснения. Фэй, ничего не замечая, продолжает болтать. До меня доносится обрывок фразы, который в наступившей тишине падает, словно кирпич:

– ...когда ты прислал мне открытку на Рождество...

Открытку на Рождество? Какое, к черту, Рождество?

Фэй, осекшись, замолкает, наконец заметив, что мы ее слушаем.

– Открытка на Рождество? – медленно повторяю я. Молчание словно наливается свинцом, мне кажется, что жизнь вокруг нас внезапно остановилась. – Я думала, вы едва знакомы?

Она переглядывается с Нилом, и все становится ясно как божий день. Я еще надеюсь, что я ошиблась, и сейчас она это подтвердит, и все снова встанет на свои места. Даст какое-нибудь невинное объяснение. Рождественская открытка, которая по ошибке пришла не на тот адрес. Или была послана другому человеку. Вот только смогу ли я в это поверить, когда прямо передо мной сидит живое свидетельство совсем другого?

Искренность наших отношений, возможность излить душу и обсудить все на свете, близость, которая... *была* между нами, все это на долю секунды отражается в ее глазах и заставляет ее отвести взгляд, и я чувствую, что все кончено, передо мной сидит чужой человек.

Из-за стола поднимается Нил:

– Кто-нибудь хочет еще пива?

Никто не обращает на него внимания.

– Почему ты мне не сказала? – спрашиваю я.

- Я собиралась.
- Вот как? Когда?
- В ближайшее время...
- Когда именно? – упорствую я, чувствуя, что вот-вот сорвусь на крик. – Сколько еще ты собиралась молчать, Фэй? Или ты решила вообще ничего не говорить?
- Да нет же!
- Да, ты собиралась продолжать так и дальше! Использовать меня как прикрытие – для встреч со своим приятелем – и делать вид, что вы едва знакомы!.. А на самом деле все это время...
- Мне не хотелось ставить тебя в неловкое положение... и... заставлять тебя врать...
- И ты решила вместо этого врать мне? После всего, что у нас было? Поверить не могу, что ты могла так поступить!
- Я вне себя от обиды. Как она могла?
- Она поднимает взгляд:
- Нам нужно поговорить.
- В ее глазах боль, хотя всего минуту назад они блестели от радостного возбуждения.
- Я все объясню. Ты должна меня понять.
- Понять? – едко переспрашиваю я. – Едва ли. Я не желаю ничего понимать. Единственное, чего я хочу, это уйти отсюда.
- Я встаю, роняю сумочку, подбираю ее и роняю куртку. Мартин поднимает ее и молча протягивает мне. Меня слегка знобит.
- Не надо так, – говорит Фэй.
- Я не обращаю на нее внимания.
- Я заберу Элли завтра утром, – говорю я, надевая куртку.
- Она не сводит с меня глаз.
- Ты не скажешь Саймону?
- Я ошеломлена.
- И это говоришь мне ты?
- Прости, – шепчет она мне вслед.

- По дороге к автобусной остановке меня догоняет Мартин.
- Это они тебя послали? – мрачно спрашиваю я.
- Нет.
- Полагаю, ты тоже участвовал в этом спектакле? Тебя ведь прихватили для ровного счета. Чтобы отвлечь меня.
- Нет.
- Я тебе не верю.
- Тебя можно понять. Но я понятия не имел, что Фэй не рассказала тебе про Нила. Я и не знал, что они делают вид, будто только что познакомились. Господи, Бет, разве не видно, что это не так?
- Конечно же, это было видно, думаю я, вспоминая случившееся. Я чувствую себя полной идиоткой. Как я могла не заметить? Они же не отрывались друг от друга.
- В любом случае, ты свое дело сделал. С ними я никуда больше не пойду и быть для них прикрытием не намерена. Значит, ты тоже свободен.
- Мы подходим к автобусной остановке. Я смотрю на него.
- Вот и все. Будь здоров.
- Разве мы с тобой тоже должны посориться? – спрашивает он.
- Но мы ведь совершенно не знаем друг друга. Нас просто использовали.

– У меня нет такого чувства, но мне жаль, что все так вышло. Нил пригласил меня сходить с ним и с его девушкой в бар, чтобы познакомиться с ее подругой Бет. Если бы ты мне не понравилась, во второй раз я бы с ним не пошел.

Подходит мой автобус.

– Фэй – не его девушка, – резко говорю я. – Она замужем.

– Я знаю. Но я не духовный отец Нила. Я всего лишь его друг.

– Тогда, возможно, тебе следует поразмыслить, что такое друг, – наставительно говорю я, поднимаясь в автобус. Я сажусь на свободное место, не глядя в окно.

Не помню, как дошла домой от автобусной остановки. Сама не своя от обиды и злости, я хожу взад-вперед по квартире, хлопая дверями. Мне хочется рвать и метать, но какой в этом смысл? Вместо того чтобы портить собственные вещи, мне следовало бы выяснить отношения с Фэй. Надо бы позвонить ей прямо сейчас и потребовать объяснений; пусть извинится за то, что врала мне и использовала нашу дружбу, пусть обещает, что прекратит встречаться с Нилом, и наши отношения станут такими, как прежде.

Но я не могу позвонить ей, потому что сейчас она с Нилом, со своим *приятелем*, который появился у нее еще до Рождества, – то есть они знакомы не меньше двух месяцев, а может, и больше. Как давно они встречаются? Полгода? Год? Но рассказать мне о нем она не сочла нужным. А завтра дома будет Саймон, и при нем мы не сможем поговорить. Если мы начнем спорить, он услышит и спросит, что случилось, а как бы то ни было, я не могу допустить, чтобы он узнал, что Фэй ему изменяет.

Я не могу позвонить ей еще и потому, что наши отношения уже никогда не станут такими, как прежде. Что бы я ни сказала, что бы ни сказала она, былого не вернуть. Да мне это и не нужно. Все равно я ей больше не верю. Я не желаю ее видеть и не хочу с ней разговаривать. Я не хочу, чтобы она присматривала за моей дочерью.

Я хлопаю дверь спальни и сбрасываю туфли. Одна падает на кровать. Меня подмывает желание поехать к Фэй прямо сейчас и забрать Элли. Но это приведет лишь к тому, что мы поссоримся с Элли, и она никогда не простит мне, что я испортила ей удовольствие от ночевки у Лорен. И что я скажу Саймону? Все это отдает ребячеством.

Я ничего не могу сделать.

Меня трясет от злости, я чувствую себя подавленной и беспомощной.

Швырять и ломать собственные вещи бессмысленно.

Я не могу думать ни о чем другом, но поделиться не с кем.

Я надеваю кроссовки и куртку и выхожу на улицу. Я обегаю вокруг квартала один раз, потом второй, бегу все быстрее. Я не в лучшей форме, и во время второго круга я начинаю задыхаться и чувствую резь в боку, но не останавливаюсь до самого дома. Я открываю дверь, выпиваю две чашки воды, принимаю горячий душ и ложусь в постель.

Примерно в час ночи звонит телефон. Я считаю звонки. Двадцать пять. Я набираю оператора, и мне называют номер Фэй. Внезапно меня охватывает паника – вдруг что-то случилось с Элли. Она заболела, произошел несчастный случай, она упала с кровати или подавилась во время ночного пиршества, а я лежу и считаю звонки.

Но если бы она заболела, они привезли бы ее домой.

Если бы произошел несчастный случай, они позвонили бы снова из больницы.

Примерно час я лежу с открытыми глазами. Мне хочется, чтобы телефон зазвонил снова. Мне хочется снять трубку и набрать номер Фэй.

Когда он звонит снова, я вздрагиваю от неожиданности. Он опять звонит двадцать пять раз, но я не отвечаю. Больше он не звонит.

Понедельник

Я привожу Элли в садик пораньше, чтобы не встречаться с Фэй.

– Где Лорен? – в тревоге спрашивает дочка, обводя взглядом комнату, и дергает себя за волосы.

– Она скоро придет. Поиграй пока с другими девочками. Смотри, вон Кэти и Кара.

– Не хочу. – Она сует в рот палец, а другой рукой цепляется за мой рукав.

– Ты большая девочка, – выговариваю я, – а ведешь себя как маленькая. Тебе скоро в школу. Лорен не всегда будет рядом.

– Лорен тоже пойдет в школу! – Ее глаза наполняются слезами, и меня охватывают смешанные чувства – вины и досады. Почему я позволила ей так привязаться к одной-единственной подруге? Это было ошибкой. Мне это было просто и удобно, а теперь у нее столько проблем.

– Ну конечно, Лорен тоже пойдет в школу, – говорю я, стараясь, чтобы меня не слышали воспитательницы. Они сразу поймут, что я плохая мать, которая подрывает веру ребенка в себя. – Но там будут и другие дети. Попробуй подружиться с кем-нибудь еще. А вдруг Лорен однажды не придет в школу?

– Тогда я тоже не пойду в школу! – заявляет Элли, продолжая сосать палец.

– Иди сюда, Элли! – окликает ее Пэт, воспитательница, тем особым певучим голосом, которым всегда разговаривают няни, воспитательницы, учителя воскресных школ, вожатые скаутов и многодетные матери. Она решительно идет к нам, протягивая руку Элли, чтобы забрать ее у куда не годной матери и передать на попечение профессионалов.

– Идем, ты ведь обычно не капризничаешь!

При этом она сочувственно улыбается мне – дескать, ничего страшного, что поделаться, если ты такая неумеха, уж с нами-то она плакать не станет.

– Пойдем слепим что-нибудь из пластилина и отпустим мамочку на работу. Вот умница, хорошая девочка. До свиданья, мамочка!

Я поспешно и благодарно прощаюсь и бегу к машине. Я трогаюсь с места и вижу, что к садику подъезжает Фэй. В зеркало заднего вида мне видно, как она выходит из машины и смотрит мне вслед. Я не останавливаюсь.

С Фэй я не разговаривала с пятницы.

Я понимаю, что это не решает проблемы, это ребячество и рано или поздно с этим придется что-то делать. Но сейчас я не готова к этому. И не хочу делать первый шаг.

Когда утром в субботу я приехала за Элли, Фэй еще спала. Саймон говорил шепотом и заставлял девочек ходить на цыпочках, чтобы не будить ее. Он держал на руках Джека и предлагал ему то сок, то печенье, чтобы тот не плакал и дал Фэй отдохнуть, ведь он день и ночь не дает ей покоя и она заслужила передышку.

В нормальном состоянии я не имела бы ничего против. Ей приходится нелегко, она присматривает за моим ребенком и за двумя собственными детьми и успевает содержать в порядке дом и сад, при этом Джек не дает ей ни сна, ни отдыха. Но я знала, что она устала не от детей. Она устала веселиться в ночном клубе и обниматься со своим дружкой. И еще оттого, что ночью безуспешно пыталась дозвониться мне.

Я от души поблагодарила Саймона за то, что он возился с детьми и позволил им устроить очередной ночной пир, забрала Элли и уехала. Весь день звонил телефон. Я не снимала трубку, а когда звонки прекращались, набирала оператора. Один раз позвонила мама, и я сказала ей, что не ответила сразу, потому что была в ванной. Остальные три раза мне назвали номер Фэй, но я не стала ей звонить. После третьего раза она оставила свои попытки.

Приехав в Сельский домик, я на время забываю о собственных неприятностях. Дверь открывает Луиза, она в джемпере, волосы подвязаны шарфом. До сих пор я видела ее только в деловых костюмах и с макияжем, когда она собиралась на работу. Сейчас под глазами у нее круги, а в уголках глаз – морщины, которых я не замечала раньше.

– Проходи, Бет, – говорит она усталым голосом.

Я неожиданно для себя обнимаю ее, и она благодарно прижимается ко мне. Я чувствую, что она сглатывает комок в горле, стараясь не расплакаться.

– Спасибо, что пришла, – говорит она, пытаясь улыбнуться, и убирает под шарф несколько выбившихся прядей. – Извини, что у нас такой беспорядок.

Я прохожу в холл. В этом доме было обычным делом спотыкаться о вещи, которые валялись повсюду, но теперь все изменилось – и при виде этих перемен хочется плакать. Повсюду громоздятся коробки, ящики, сумки, пакеты с игрушками, одеждой, посудой, книгами, безделушками – всем, что заполняло жизнь пятерых человек. Все это торопливо упаковано, но не с радостным предвкушением новой жизни в более просторном доме или иных, приятных перемен, нет, эти поспешные сборы были вынужденными, потому что иного выхода не осталось.

– В гостиной, – говорит Луиза, осторожно перешагивая ряд набитых до отказа черных пакетов для мусора, – я сложила то, что нам больше не нужно. Что успела. Если мы поднимемся на чердак, разберем то, что лежит в спальне для гостей и на антресолях...

Впервые я осознаю, что иметь слишком много вещей – это настоящий кошмар. Если я когда-нибудь разбогатею, я буду регулярно избавляться от лишних вещей – выбрасывать их, отвозить на распродажи, все что угодно, только бы не накапливать горы барахла, которое захватывает твой дом, не давая дышать.

– Иди сюда, Бет! – Луиза распахивает дверь гостиной. Я вижу перед собой небольшой клочок свободного места, остальное пространство заполнено грудami вещей. – Бери эти черные мешки и откладывай все, что тебе нужно.

Какое-то время я стою, ошолбев, как участник игрового шоу, которому дали задание запомнить как можно больше предметов, проплывающих мимо на конвейере. *Ага, еще тостер, электродрель, многотомная энциклопедия, мягкая игрушка...*

– Все в порядке? – с тревогой спрашивает Луиза, и до меня доходит, что вместо того, чтобы помогать, я уже пару минут стою, точно на экскурсии, не говоря уже о том, что веду себя, мягко говоря, неучтиво.

– Да, конечно, – опомнившись, говорю я, осторожно пробираясь через горы вещей, пока не обнаруживаю на ковре в середине комнаты свободный участок, откуда можно начать. Я усаживаюсь на пол и принимаюсь разбирать мешок с одеждой девочек.

– Ты можешь заниматься своими делами, здесь я справлюсь сама, – говорю я Луизе. Я стараюсь держаться уверенно, хотя в глубине души несколько растеряна.

Луиза облегченно кивает и уходит в другую комнату. Я оглядываюсь и вздыхаю. Ладно. Начну с двух больших черных мешков. В мешок справа буду откладывать то, что подойдет для Элли. В мешок слева – то, что можно отвезти на распродажу. Сначала я думала, что мне понадобится еще третий мешок – для никуда не годных вещей, но в этом доме нет негодных вещей.

Если у вас слишком много вещей, они попросту задушат вас, будь то всякий хлам или одежда от знаменитых кутюрье. Разница лишь в том, что одежду от знаменитых кутюрье не выбрасывают на свалку.

Два часа пролетели незаметно. Луиза приносит мне чашку кофе и удивленно обводит глазами комнату:

– У тебя неплохо получается!

Справа и слева от меня стоят аккуратные ряды пакетов для мусора. Передо мной и за моей спиной по-прежнему лежат груды игрушек, одежды и книг.

– Луиза, прошу, позволь мне заплатить тебе за то, что я возьму. За одежду девочек. Ведь здесь есть то, что они не надели ни разу! И книжки совсем как новые.

Она пожимает плечами:

– Джоди и Энни уже выросли из этих вещей. Нам они больше ни к чему. Нужно было отдать их давным-давно.

В руках у меня чудесное темно-синее пальтишко на пять-шесть лет, оно будет впору Элли на следующую зиму, когда она пойдет в школу.

– Но я сэкономлю на этом кучу денег, а какого качества вся эта одежда!

– Но из-за меня ты терпишь убытки, – вздыхает Луиза. – Без этой работы тебе придется туго.

– По сравнению с вашей бедой это ничто, – возражаю я, бережно укладывая пальтишко в пакет. – Подумай, может быть, ты все же позволишь заплатить тебе хоть немного?

– Нет. Помогите мне избавиться от этих вещей, Бет. Пожалуйста.

Она продолжает паковать вещи, а я принимаюсь за грудку игрушек и игр. По-моему, некоторые коробки даже не открывали. Кое-что можно подарить Элли на день рождения. А что-то отдать Фэй для Лорен.

Впрочем, не знаю.

Я прислоняюсь спиной к стене и тру глаза.

Едва ли что-нибудь из этих вещей попадет к Лорен, потому что мне не хочется иметь дело с Фэй.

Мы не видимся.

Мы не разговариваем.

Я ей не звоню.

Она пожалеет о том, что натворила.

Я не желаю ее видеть, мне наплевать, что с ней, я прекрасно проживу и без нее. Кому нужна подруга, которая только и знает, что морочить тебе голову?

Все, что здесь есть, я оставлю себе и не стану делиться с ней.

Она предательница.

Самая настоящая предательница.

Непонятно, почему я плачу?

В четверть первого я укладываю в багажник набитые пакеты.

– Мне пора, – говорю я Луизе. – Но я приеду в четверг, чтобы продолжить. Я возьму свой ключ. Если ты будешь на работе, просто сложи все в гостиной, как сегодня. Потом я отберу то, что можно отвезти на распродажу.

Она обнимает меня:

– Ты – настоящее сокровище.

– Нет. Не я. Ты не представляешь, как я благодарна тебе за все эти чудесные вещи для Элли.

– Я рада, что они попали в хорошие руки.

Когда я прихожу в садик, дети еще не одеты. Элли замечает меня из окна.

– Почему пришла ты? – подозрительно спрашивает она. – Где Фэй? Сегодня мы поедем домой с тобой?

– Ты поедешь со мной.

– А Лорен?

Растерянная Лорен стоит рядом.

– Твоя мама скоро приедет, Лорен, – говорю я.

Она озадачена. Элли вне себя.

– Идем, Элли. – Мне хочется уехать, пока не появилась Фэй. – Идем же!

– Почему? *Почему*, мамочка? – Дочь переходит на крик. – Почему Лорен не едет с нами? Почему она должна ждать Фэй? Почему я не еду с Лорен? Куда мы едем? Почему ты не на работе?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.